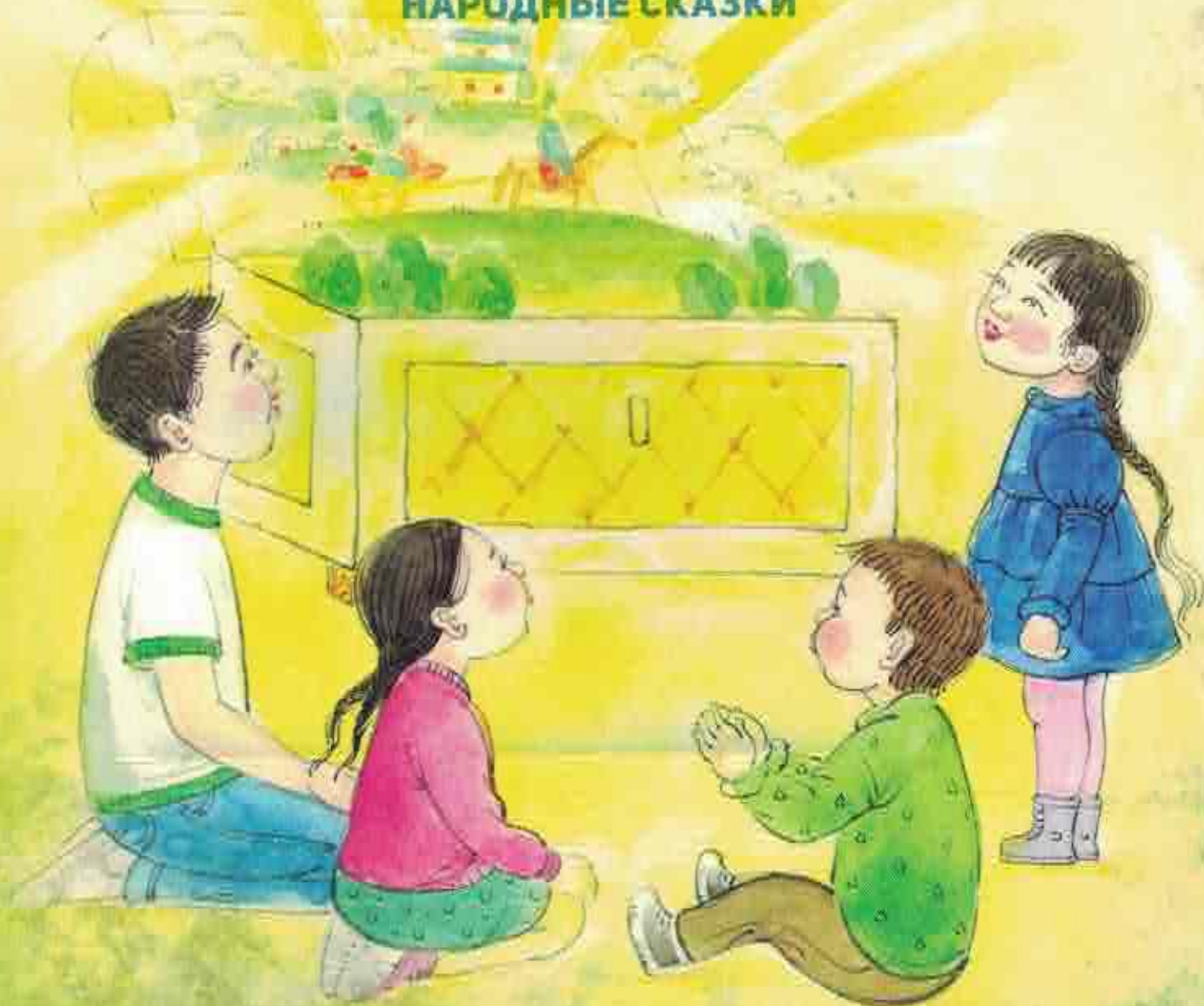

Золотой сундук

БУРЯТСКИЕ
НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Золотой сундучок

БУРЯТСКИЕ
НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

НоваПринт
Улан-Удэ, 2019

УДК 398.21

ББК 82.3 (2Рос=Буря)

3-811

Составители

А. Ангурова, О. Дамдинжапова

Художник С. Дугарова

3-811 **Золотой сундучок – Алтан абдар.** Бурятские народные сказки /сост.
А. Ангурова, О. Дамдинжапова – Улан-Удэ, НоваПринт, 2019.
ISBN 978-5-91121-261-2

ISBN 978-5-91121-261-2

УДК 398.21

ББК 82.3 (2Рос=Буря)

© НоваПринт, 2019

ХИТРЫЙ БУДАМШУ

Когда это было, когда жил Будамшу – никто не знает. Только все знают – ничего у Будамшу никогда не было. Был только у Будамшу маленький ковер, на котором он спал, тэрлик¹ из грубой шерсти, который надевал, и большое желание хоть раз поесть досыта.

Недалеко от улуса², где в тот раз находился Будамшу, стоял богатый дацан – монастырь. А в дацане жил известный своей мудростью самый главный из всех лам³ – Богдо-лама.

Богдо-лама всегда молчал. Богдо-лама всегда неподвижно сидел в дацане. Богдо-лама всегда в мыслях вел беседу с небожителями. Вот какой святой был человек!

Богдо-лама никогда ни перед кем не поднимался со своего маленького коврика. Богдо-лама никогда ни от кого не принимал никакой пищи. Богдо-

1 Летний халат

2 Селение

3 Буддийский священник

лама никогда ни перед кем не снимал своей священной медной шапки. Вот какой строгий был человек!

А Будамшу?..

Хо! Будамшу всегда находил о чем потолковать, он даже думал, разговаривая. Будамшу всегда, когда сидел, все равно что не сидел – вертелся то туда, то сюда, будто его сразу тридцать блох кусали, сидеть мешали. Будамшу никогда и нигде, даже в дацане, не открывал своих мыслей, и никто не знал, о чем он думает, чего он хочет. Да и сам Будамшу только одно хорошо знал – лучше жить, чем не жить, и старался жить как умел.

Как-то раз Будамшу был очень голоден. Пошел он к юртам¹, где жили ханские советники – нойоны. В тот час вечера они сидели возле своих юрт, думали, рассуждали, курили.

Будамшу прошел мимо них и сказал будто сам себе:

– Захочу, Богдо-лама передо мной встанет! Захочу, Богдо-лама из моих рук молока напьётся!

Нойоны услышали слова Будамшу, курить перестали, смеяться стали:

– Хо-хо-хо! Будамшу с голодухи ум потерял! Слышите, что он бормочет? Никогда такого не было, чтобы Богдо-лама даже перед знатными нойонами поднялся! А кто видел, чтобы Богдо-лама от кого-нибудь чашу с молоком принял?

Будамшу остановился возле нойонов и сказал:

– Зачем толковать зря? Я говорю – Богдо-лама передо мной встанет!

– Не встанет! – говорят нойоны.

– Я говорю – Богдо-лама молоко от меня примет и отведаст его!

– Не примет! – говорят нойоны.

– Давайте поспорим! – предложил Будамшу. – Если проиграю, десять лет на вас работать буду. Если выиграю, десять месяцев меня кормить будете!

Нойоны обрадовались: условие выгодное! – и согласились.

Будамшу зашел к пастуху, у которого жил, взял свой ковер и отправился в дацан. Вошел в молельню, где Богдо-лама сидел и читал священную книгу-ном, постоял немного и сказал:

– Пресветлый Богдо-лама! Вы так долго сидите на своем ковре, что он, наверное, от пота сырой сделался? Как бы не простудились – чихать станете, молиться не сможете. Поднимитесь, пожалуйста! Я под вас сухой ковер подложу!

А Богдо-лама так зачитался, что совсем позабыл про обычай: если встал перед вошедшим, надо поздороваться и принять от него чашу с молоком. Богдо-лама в то время больше думал о священных словах молитвы и совсем

¹ Жилище

не думал о словах Будамшу, и поэтому поднялся.

А Будамшу только этого и ждал.

– Здравствуйте! – сказал он и поднес к губам Богдо-ламы чашку с молоком.

– Здравствуйте! – пришлось сказать Богдо-ламе и отпить молока из чаши.

Будамшу быстро сменил под ним ковер и ушел. А нойоны возле двери дацана стояли, все видели и все слышали.

Так они проиграли Будамшу спор и должны были десять месяцев кормить его.

Когда Будамшу последний раз ел у нойонов вареную баранину, он сказал:

– Если захочу, Богдо-лама свою медную шапку мне отдаст!

В этот раз нойоны не засмеялись, усмехнулись только и подумали: «Сколько свет стоит, никогда Богдо-лама своей шапки никому не давал. Будамшу зазнался. Теперь наш выигрыш!» – и сказали:

– Давай поспорим!

– Давайте! Если проиграю, двадцать лет на вас работать буду. Если выиграю, двадцать месяцев кормить меня будете!

– Мы согласны! – ответили нойоны и легли отдыхать.

А Будамшу отправился на охоту. Убил Будамшу росомуху и сделал из ее шкуры шапку. Надел шапку и пошел в дацан.

А надо знать, что на Богдо-хане была очень древняя медная шапка надета. Такая древняя, что гора Хамар-Дабан младше ее была. А ведь и на горе, когда часто по ней ходят, тропинка протаптывается! Поэтому и на шапке, в том месте, где за нее, надевая и снимая, рукой брались, дыра протерлась.

Пришел Будамшу в дацан и остановился перед Богдо-ламой. А шапку не снял. Богдо-лама в этот раз ном не читал. Увидел он Будамшу и долго смотрел на его шапку. Никак не мог догадаться, из какого меха шапка сшита. Бобровый мех он знал – из бобра шапку носил, соболий мех тоже знал – из соболя шапку носил. А такого красивого меха никогда не видал. Очень Богдо-ламе шапка понравилась, только он не сказал об этом и все молчал. И Будамшу молчал, только заметил, что его шапка понравилась.

– Пресветлый Богдо-лама! – сказал наконец Будамшу. – Прошлый раз я видел на вашей священной шапке большую дыру. Надо эту дыру заделать. А без шапки вам нельзя сидеть. Как быть?

– Ты прав, Будамшу! – сказал Богдо-лама. – Моя шапка продырявилась. Когда ветер дует, моей голове холодно. Когда думаю, мысли выдувает. Чинить шапку надо. Хочу сделать тебе милость. Возьми на время мою шапку, заделай дыру, а пока чинишь, я в твоей шапке посижу.

И Богдо-лама отдал Будамшу свою шапку.

А нойоны тем временем всем людям сказали, что они у Будамшу спор

АЛТАН-ХАЙША ЗОЛОТЫЕ НОЖНИЦЫ

В прежние, давние времена жил, говорят, один хан. У этого хана был единственный сын.

Думает хан: «Сердце у моего сына не злое, а ум небольшой. Когда я умру, как он будет править? Надо найти ему такую жену, чтобы сумела его на правильный путь наставить, вовремя остановить. А где найдешь такую жену?..»

И решил хан: «Пусть она будет хоть дочерью последнего бедняка, мне все равно, лишь бы была умна».

Отправил хан послов-тушемилов и приказал им:

– Поезжайте и найдите самую умную девушку!

Отправились тушемилы, объехали все улусы, много дней в пути пробыли – нигде не могут найти подходящую девушку. Красивых много и умных немало, а такой, какую хан приказывал найти, – нигде не встречали.

Приехали они в один улус и видят: стоит с самого края бедная юрта, вокруг юрты ничего нет – ни коня, ни коновязи.

Спустились тушемилы с коней, держат их на поводу, хотят привязать коней, а привязать не к чему. К юрте ведь коней не привяжешь!

В это время выглянула из юрты девушка. Посмотрела она на них и спрашивает:

– Что вы не зайдете в юрту? Почему кругом ходите? Чего ищете?

Тушемилы говорят:

– Хотели к вам зайти, да вот коней привязать негде.

Засмеялась девушка и говорит:

– Неужели не найдете, где привязать? Вот зима, вот лето – и привяжите к ним своих коней!

Огляделись тушемилы кругом, смотрят один на другого – не могут понять: как это коней привязать к зиме и к лету...

Рассердились они на девушку: зачем насмехается над ними? Сели снова на коней и поехали к хану невеселые: так и не удалось им найти мудрую

девушку в невесты ханскому сыну.

Приехали они к хану. Стал хан расспрашивать их: где они побывали, каких девушек видели, нашли ли где умную?

– Неудачно мы ездили, великий хан, – отвечают тушемилы. – Все ханство объездили, в каждую юрту заходили, с каждой девушкой разговоры вели, а нигде для тебя подходящей невестки найти не могли.

– В бедные юрты заглядывали? – спрашивает хан.

– Были и в бедных, – отвечают тушемилы. – Напоследок в такую бедную заглянули, что возле этой юрты нет ни коновязи, ни даже столба. В этой юрте какая-то неразумная девушка живет. Такие слова говорит, что и понять невозможно.

– Что же она вам сказала? – спрашивает хан.

Тушемилы говорят:

– Выглянула она из юрты, видит, что мы ищем, куда бы коней привязать, и говорит: «Вот зима, вот лето – и привяжите к ним своих коней!». Никакого смысла нет в этих словах. Мы с ней больше и разговаривать не стали, сели на коней и вернулись к тебе.

Усмехнулся хан и говорит своим тушемилам:

– А не лежали ли возле этой юрты сани и телега?

Взглянули тушемилы один на другого, вспомнили и спрашивают:

– Как ты узнал об этом, великий хан? Ведь возле этой драной юрты и в самом деле лежали сломанные сани и телега.

– Вот вам зима и лето, – сказал хан. – Вы хоть и ханские тушемилы, а не поняли этого. Скажите мне, где эта девушка живет, сам к ней поеду!

Приказал он оседлать коня и пустился в путь.

Долго ли, мало ли ехал хан, только приехал он к драной юрте. Сошел хан с коня, привязал его к телеге и вошел в юрту. Видит – сидят в юрте старик со старухой, сидит еще за работой девушка небывалой красоты. Обрадовался хан: «О, здесь ум и красота рядом живут!»

Спрашивает хан девушку:

– Как тебя зовут?

Девушка отвечает:

– Зовут меня Алтан-Хайша – Золотые Ножницы.

– Почему тебе такое имя дали?

– А я все хитрости-мудрости разгадываю, как нити ножницами разрезаю!

– Принеси-ка мне веревку из пепла, – говорит хан, – мне перевязать кое-что надо.

Забеспокоились старик со старухой: как-то их дочка ханский приказ выполнит. А Алтан-Хайша засмеялась и говорит:

– Погодите немного, сейчас принесу!

Вышла она из юрты, быстро свила из соломы веревку, принесла ее, положила возле хана и подожгла. Сгорела солома – осталась веревка из пепла.

– Вот Вам, великий хан, и веревка из пепла! – говорит Алтан-Хайша.

Усмехнулся хан и говорит:

– Недолго думала, да хорошо сделала!

После этого хан приказал сварить тринадцать яиц, дал их Алтан-Хайше и говорит:

– Выведи мне тринадцать цыплят из этих яиц!

– Хорошо, – отвечает Алтан-Хайша, – только цыплятам будет нужен корм. Возьмите эту кашу и посейте ее. Пока цыплята вылупятся из яиц, из каши вырастите просо, обмолотите его, вот и будет корм для цыплят.

Старик со старухой сами не свои: вдруг хан прогневаается за такие вольные слова, вдруг прикажет их юрту сломать, а их самих прогнать. А хан не гневаается, только усмеивается, сам про себя думает: «Никогда такого быстрого ума не видал! Лучшей невестки мне нигде не найти!»

Обернулся хан к отцу Алтан-Хайши и говорит:

– Давайте свататься! Пусть ваша дочка Алтан-Хайша будет моей невесткой. Хочу своего сына женить на ней!

Старик говорит:

– У нас одна-единственная дочка. Кто нас будет кормить, когда мы совсем состаримся, кто будет за нами ухаживать? Нет, не можем мы свою дочку отдать!

Хан говорит:

– Я вам новую юрту построю, до конца ваших дней кормить вас буду.

Старик отвечает:

– Надо еще Алтан-Хайшу спросить – как она скажет...

Алтан-Хайша говорит:

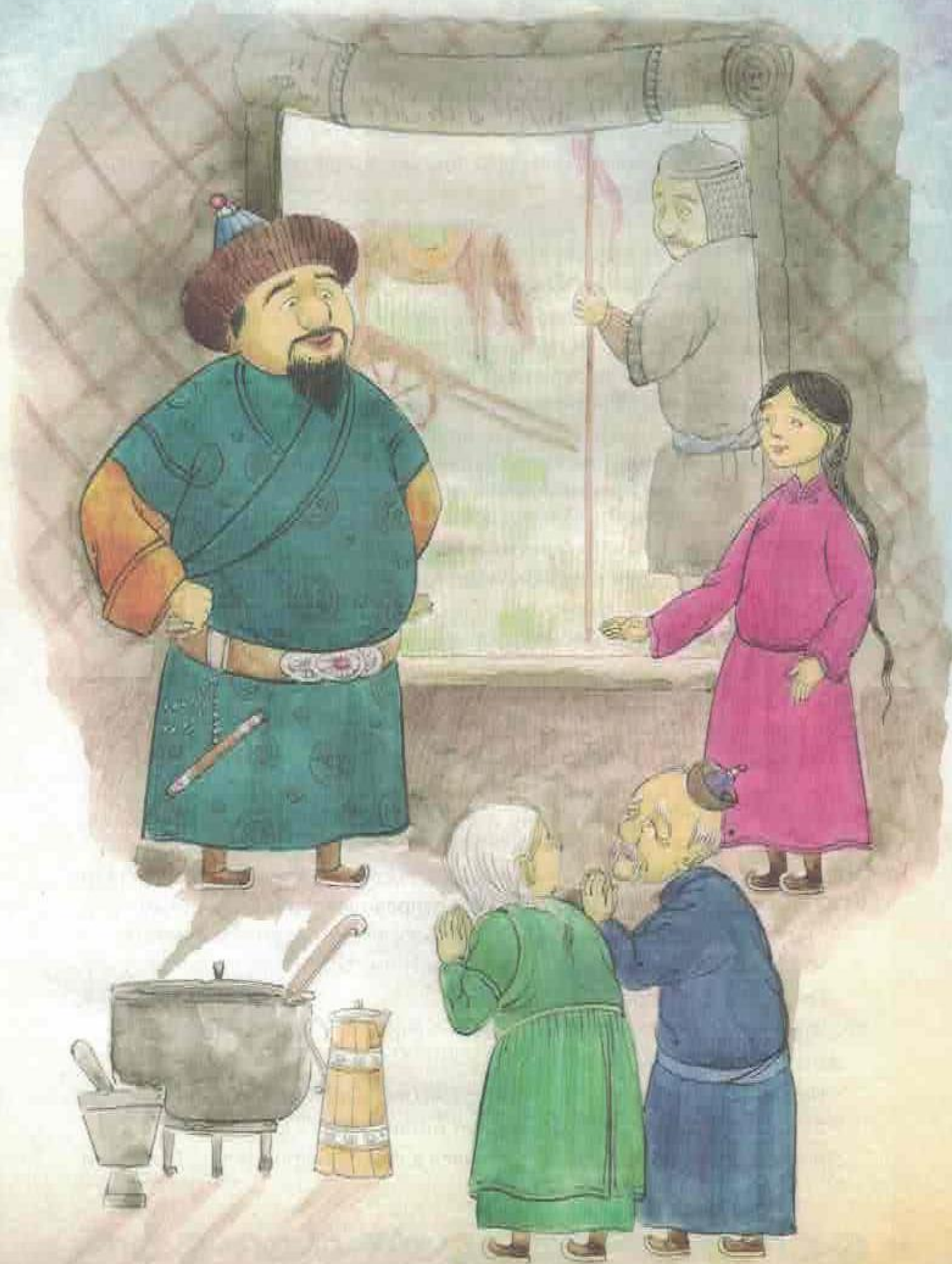
– Я согласна!

Приехали за Алтан-Хайшой ханские посланцы, отвезли ее в ханский дворец. Устроили такую свадьбу, каких еще никогда не бывало: мяса наготовили целую гору, вина – целое озеро, гостей созвали со всех концов земли. Девять дней и девять ночей пировали, едва-едва на десятый день разошлись по домам.

И все довольны: хан доволен молодой невесткой, ханский сын доволен красавицей женой, а Алтан-Хайша довольна молодым мужем: ум у него не велик, зато собой хорош и сердце доброе.

Вскоре после свадьбы, в один хороший день, хан говорит сыну:

– Поедем на охоту!

Оседлали лучших коней и поехали. Едут они – хан впереди, ханский сын позади. Приехали в одну падь, стали охотиться. Хан скоро нагнал козулю, убил ее и говорит сыну:

– Я пойду в другую падь, может быть, подстрелю еще козулю, а ты оставайся здесь и приготовь нам обед.

Сын спрашивает:

– Как же я буду готовить обед? Ведь мы с собой не взяли котел.

– В лесу деревьев много. Обойдись деревянной посудой!

Больше хан ничего не сказал, хлестнул коня и ускакал в другую падь.

Привязал ханский сын своего коня, достал топорик, срубил дерево и стал долбить обрубок – деревянный котел делать. Долго возился, а сделал немного – совсем неглубокую дыру выдолбил.

Тут хан из другой пади вернулся, другую козулю привез. Сам веселый, довольный. А как глянул на сына – нахмурился, насупил брови. Видит он, что сын его сидит на прежнем месте, обливается потом, мается, сосновый обрубок долбит, деревянный котел делает.

Схватил хан неразумного сына и стал хлестать плетью. Потом вскочил на коня, приказал сыну домой возвращаться.

– Дома и поедем, – говорит.

Сын едва-едва на своего коня взобрался и поехал по следам своего отца.

Долго так ехали – хан впереди, сын далеко позади. Оглянулся хан, видит – сын сильно отстал.

Хан кричит:

– Эй, сын, тяни своего коня за хвост!

Сын соскочил с коня и давай тянуть его за хвост. Увидел это хан, опять разгневался. Подъехал он к сыну и принялся стегать плетью. До тех пор стегал, пока сам не устал.

Приехали они домой, оба невеселые, оба молчат. Сели за еду. Как встали из-за стола, ханский сын сейчас же к себе отправился, лег и охает потихоньку.

Алтан-Хайша спрашивает:

– Что с тобой? Что ты охаешь?

– Ох, ох, болит кругом...

– Что у тебя болит? Не захворал ли ты? – спрашивает Алтан-Хайша.

Ханский сын говорит:

– Нет, не захворал я. Отец меня во время охоты долго плетью бил.

– За что же он бил тебя? – спрашивает Алтан-Хайша.

– Я и сам не знаю. Видно, он помешался в уме на старости лет... Приехали

мы в одну падь, он убил козулю и говорит: «Готовь нам еду». Я спрашиваю: «Как буду готовить? У нас котла нет». Он говорит: «Обойдись деревянной посудой». Ну, я срубил дерево и принялся деревянный котел выдалбливать. Подъехал отец, увидел это, ничего не сказал и давай меня хлестать...

– А за что же он бил тебя во второй раз? – спрашивает Алтан-Хайша.

Ханский сын говорит:

– Когда мы возвращались с охоты, я сильно отстал. Отец кричит: «Тяни своего коня за хвост!» Я и стал тянуть коня за хвост. Тут отец подъехал ко мне и опять долго плетью хлестал. Нет, видно, он совсем помешался в уме!..

Выслушала это Алтан-Хайша и говорит:

– Нет, хан совсем не помешался в уме! Это у тебя не хватило ума понять его слова!

– А как можно понять их? – спрашивает ханский сын.

Алтан-Хайша говорит:

– Когда отец сказал тебе: «Обойдись деревянной посудой», ты бы нанизал куски мяса на сучок и изжарил его на костре. Вот тебе и деревянная посуда!

– А зачем он велел мне тянуть коня за хвост?

– Да разве это велел тебе сделать хан? Он требовал, чтобы ты не отставал, погонял хорошенько своего коня. Вот тебе и «тяги за хвост».

Старый хан все их разговоры подслушал. Думает он: «Не обманулся я в Алтан-Хайше! Нет никого острее умом, чем она. Все мои тушемилы перед ней глупые и неразумные дети. Могу я теперь спокойно оставить мое ханство и отправиться к Шажин-Номон-хану. Он своим умом славится, надо испытать, так ли он умен, как люди говорят?»

Собрался хан и отправился на другой же день с двумя баторами¹ в соседнее ханство, к Шажин-Номон-хану.

Попал он на самый большой праздник. У Шажин-Номон-хана гостей не сосчитать. Сам Шажин-Номон-хан важный, гордый.

Спрашивает он нашего хана:

– Зачем ко мне приехал?

– Хочу состязаться с тобою, узнать, кто из нас острее умом!

– Хорошо, – говорит Шажин-Номон-хан, – я буду тебе загадки загадывать, а ты отгадывай.

Шажин-Номон-хан самые мудреные загадки загадывает, а наш хан, не задумываясь, их разгадывает. Досадно это стало Шажин-Номон-хану.

– Теперь ты загадывай, я отгадывать буду.

Наш хан загадал загадку, а Шажин-Номон-хан отгадать не может. Загадал

¹ Богатыри, герои

Немного времени прошло, собрались ханские войска. Впереди пошли лучники, сзади пошли воины с мечами, сама Алтан-Хайша их повела. Пленный посланец Шажин-Номон-хана дорогу указывает.

Как туча, налетели, нагрянули они на владения Шажин-Номон-хана. Он даже и войско свое собрать не успел. Схватили Шажин-Номон-хана, привели его к Алтан-Хайше.

Спрашивает его Алтан-Хайша:

– Доволен ли ты, славный Шажин-Номон-хан, нашими дарами?

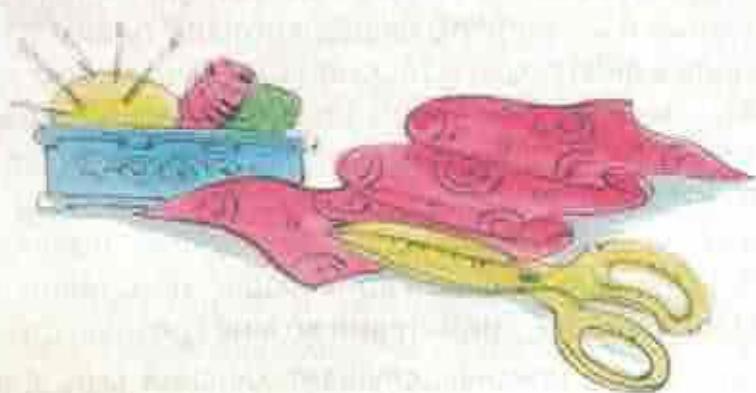
Молчит хан, трясется, слова от страха вымолвить не может.

Приказала Алтан-Хайша связать его, как барана, и везти в свое ханство.

А наш хан вернулся домой, собрал всех своих подданных и сказал:

– На всей земле нет такой мудрой женщины, как Алтан-Хайша! Как умру, пусть она правит моей страной!

Так по слову хана и стало. Как умер он, стала править ханством Алтан-Хайша – Золотые Ножницы, девушка из бедной юрты.

ХУРИСТ

Жили в прежние времена старик со старухой, и было у них три сына. Однажды говорят старики своим сыновьям:

– Не долго нам осталось жить на белом свете. Перед смертью хотелось бы увидеть вас женатыми, хотелось бы внучат на коленях подержать, их пушистые головки погладить.

Сказано – сделано. Женили братьев. Двум старшим, во всем удачливым, и тут повезло: пошли у них дети один другого милей да краше. Старики нарадоваться не могут. А как собрались помирать – все свое имущество, весь свой скот двум старшим сыновьям завещали. Младшему же, одинокому, бездетному, досталась хромая лошаденка с пежиной¹ на нижней губе да дедовский хур².

До того полюбился младшему певучий хур, что носил он его с собой повсюду. Как заиграет – птицы смолкают в окрестных лесах, ветер затихает,

1 Пятно

2 Струнный смычковый музыкальный инструмент

чаю в охотку, а старик говорит:

– Идем со мной.

Пошли они неведомой тропой сквозь тайгу и пришли к горе, из которой струился горячий аршан¹. Искупался парень в аршане, и стало ему совсем хорошо, веселее стало на душе, вспомнились другие слова: «...а горести уснули и не проснулись».

Вернувшись во дворец, подарил Лээхэй исцеленному парню красивую одежду, а когда тот переоделся, посадил его с собою рядом, обнял за плечи и сказал:

– Как услышали дочери твою игру и золотое пенье, так потеряли покой и сон. Сделай им певучий хур, а уж я в долгу не останусь.

Смастерил парень дочерям Лээхэя не один, а целых три хура, и научил их играть. Да такими смышлеными ученицами оказались девицы, что через неделю не хуже любого хуриста играли, а пели еще лучше.

Обрадовался хозяин тайги Лээхэй, подарил парню доброго коня да соболей без счету и пошел провожать гостя. Как только показался родной айл² парня-хуриста, хозяин тайги Лээхэй прощаться стал.

– Я, – говорит, – не должен показываться людям на глаза, и ты никому не проговоришь о встрече со мной.

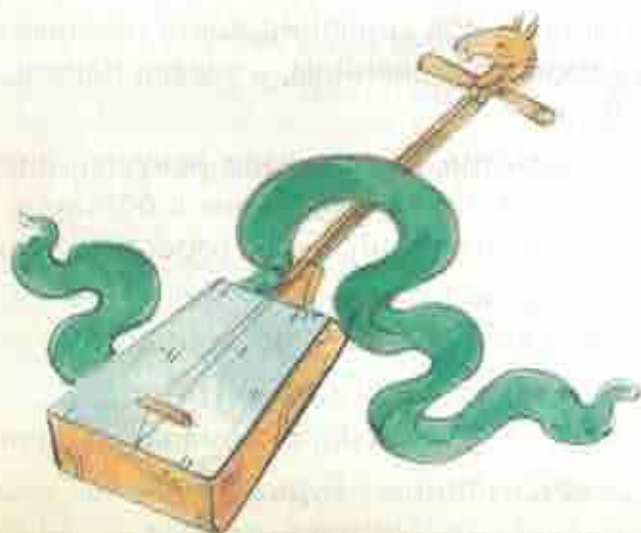
Вернулся парень домой и зажил на славу. Не дают ему прохода завистливые старшие братья, все допытываются:

– И откуда тебе такое богатство привалило?

А младший брат только посмеивается да все на хуре играет.

1 Источник, ключ

2 Селение

КТО ТЫ?

Сказывают, жил в лесу славный охотник. Не было для него тайн в родных лесах: знал он всех птиц, всех зверей, какие только водились. И вот однажды он повстречал на охоте диво: на макушке сосны сидела птица с овцу. Удивился охотник и, недолго думая, выстрелил в нее. Птица была так тяжела, что, падая, переломила сучья.

«Много я охотился в жизни, но такого чудища не видел», – думал охотник. Взвалил он на плечи и понес домой небывалую добычу. Повстречался с ним шаман.

– Ээ, мэргэн¹, на беду тебе досталась эта птица: быть беде! Не к тебе беда придет, а навалится она на улус, на весь народ. И придет беда, слышишь, от сердца и печени этой птицы.

Испугался охотник, потому что он был честным человеком и не хотел родному улусу зла.

– Но может беда и мимо пройти, если исполнишь, что я тебе велю, – продолжал шаман. – Можешь сварить мясо этой птицы, можешь съесть мясо этой птицы – ничего не случится. Только, смотри, не ешь ты ее сердце и печень, и свари ты их в отдельном котле. Я приду – и уж я знаю, что с ними делать.

Пришел охотник домой и лег спать. Его два сына и дочь играли во дворе и на запах вареного мяса забежали в дом. Мать ничего не знала о наказе шамана. Отрезала она кусочек от сердца и дала одному сыну, отрезала кусочек от печени – дала другому. Вышли мальчики на двор, и что же: один из них плюнул серебром, а другой чистым золотом. Плюют ребята, надивиться не могут.

Приходит шаман. Идет он, торопится, и прямо в дом. Встречает гостя охотникова жена, подает ему сердце и печень добытой птицы. Так велит обычай: самое лучшее – гостю. Смотрит шаман на блюдо, облизывается, рукава засучивает, за нож берется.

– А ты, дочь моя, никому не отрезала отсюда? – спрашивает он жену охотника.

– Попробовать, только попробовать, – ответила женщина. – Ребята забегали.

Ахнул, позеленел шаман:

¹ Меткий стрелок

– Горе тебе, глупая баба! – закричал он. – Ты наделила своих детей страшной язвой. И горе всему улусу: весь народ умрет теперь. Что ты наделала, что ты наделала, глупая баба!

Ужаснулась охотникова жена, оглохла и онемела от этих слов шамана. А тот трясется весь, скривился, сгорбился и продолжает:

– Имеешь ты если уши, слушай: убьешь ты, мать, своих детей, вынешь их сердца и печень, и отдашь мне, а я – видят духи! – приму все это на себя, отведу от улуса заразу, спасу народ.

Проснулся в это время охотник и понял, что случилось. Зарыдали они оба с женой, повалились в ноги шаману.

– Страшные слова ты говоришь, шаман-батюшка! Убей лучше нас, оставь только невинных наших деточек.

Еще пуще затрясся шаман, округлились от злобы его глаза, топнул он ногой и закричал:

– Сюда их сейчас же! Слышите?

Слышала все это охотникова дочь. Жалко ей стало братишек, выбежала она во двор и говорит мальчикам:

– У нас шаман. Он страшно рассердился на вас, что вы попробовали сердце и печень птицы, велит убить вас сейчас же.

Поняли мальчишки, что им грозит, и говорят сестренке:

– Подкати-ка к нам старую кадушку, что под сараем стоит, подкати ее к нам поскорее.

Побежала сестренка в сарай и выкатывает оттуда кадушку. Поплевали в нее братья – наполнилась она золотом да серебром. Зарыли ее мальчишки в землю и говорят девочке:

– Запомни это место, милая наша сестренка. Будет вам плохо, голод ли придет, обноситься ли, берите из кадки золота и серебра сколько надо. А мы уйдем сейчас отсюда. Подростем, найдем шамана и посадим его на первый же кол, какой увидим.

Обняли мальчишки сестренку и побежали что есть духу, даром, что были босиком.

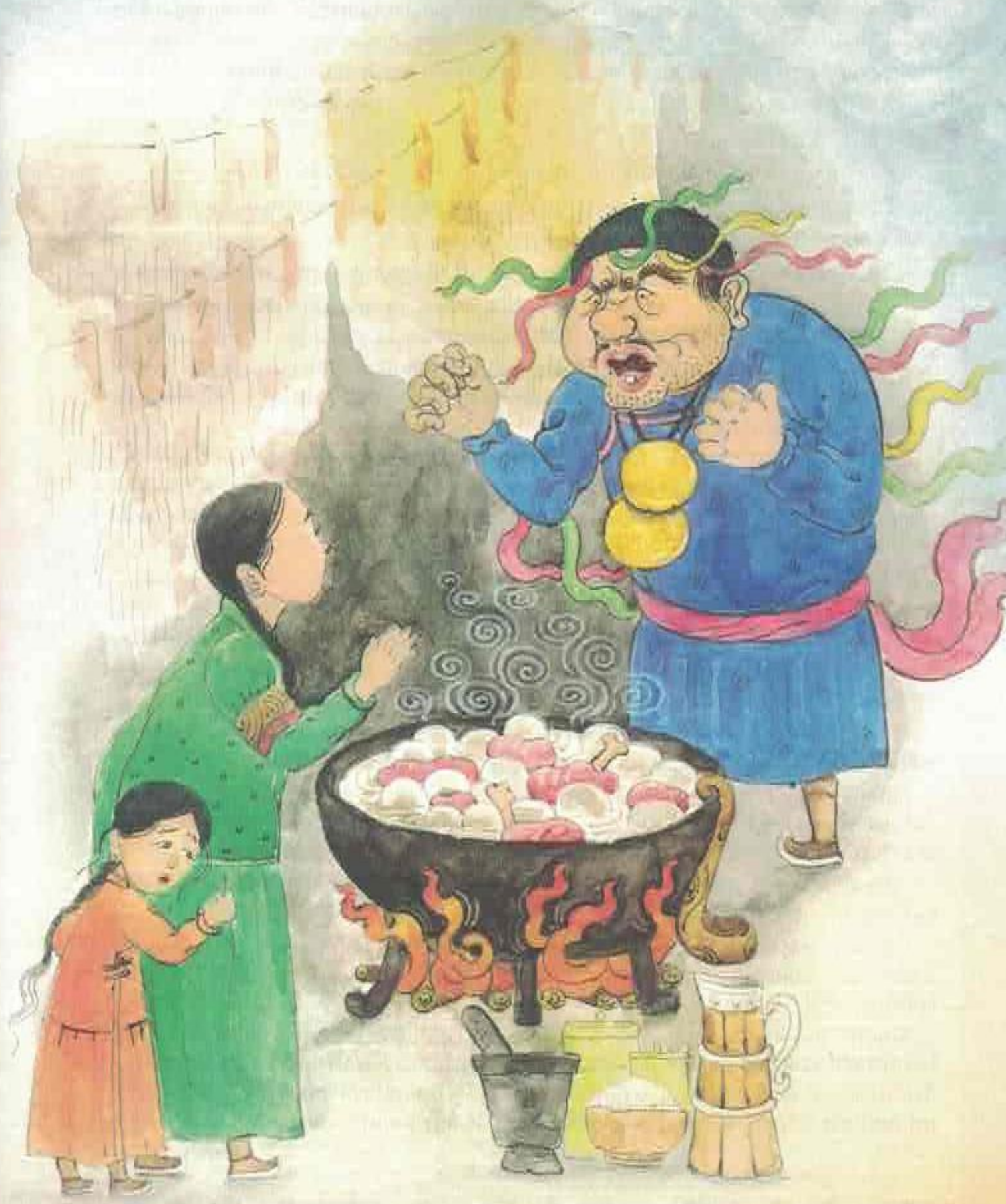
А шаман, не дождавшись детей, вышел за ними сам. Искал, искал во дворе – нет мальчишек. Вернулся в дом, давится от злобы:

– Это девчонка ваша вышла и предупредила мальчишек, и те убежали. Сейчас же убейте ее!

Услыхала девчонка слова шамана, испугалась страшно и бросилась вслед за братьями в лес. А в лесу и змее трудно проползти: такой он был густой.

Искала сестренка своих братьев, бродила по тайге – даже следов не нашла. Приуныла, запечалилась девочка и уж совсем выбилась из сил, как увидела

в овраге землянку. Зашла туда, а там никого. Чудно ей показалось: кругом ни души, а в землянке жилым пахнет, и на столе стоят всякие кушанья, будто кто дорогих гостей ждет. Девочка наелась, а потом забралась в подполье и там заснула.

Землянка-то была разбойничья. Приходят к вечеру разбойники.

– Кто-то у нас был, – говорит один из них, посмотрев на стол.

– Кто-то у нас есть, – говорит другой, потянув носом.

– Раз он был и не ушел, значит, он не боится нас, – сказал третий.

– Если он не боится нас, надо с ним подружиться, – добавил четвертый.

Все согласились.

– Эй, кто там? Ты слышишь, что мы решили, выходи! – кричат разбойники.

– Я – бедная девочка, я заблудилась в тайге, проголодалась, – ответила охотникова дочь, – я убежала от злого шамана...

И осталась жить охотникова дочь у разбойников, и стала она варить им и стряпать. И так полюбилась разбойникам девочка, что они не оставляли ее одну, а караулили по очереди: мало ли что может случиться.

Услыхал как-то шаман о девочке, которая живет в лесу, живет без матери, без отца, а охраняют ее семь грозных разбойников. Переоделся шаман во все женское, пошел в лес, ищет охотникову дочь, а сам делает вид, что ягоды собирает. Девочка в ту пору сидела в землянке у окна. Увидел ее шаман и говорит:

– Девочка, не подашь ли мне воды?

Налила охотникова дочь воды и подает. Шаман напился, поблагодарил:

– Возьми-ка вот эту ягодку, поешь ее, дочь моя, посмотри, какая она спелая, сочная.

Отказалась сначала охотникова дочь, но чтобы не обидеть добрую женщину, взяла ягодку в рот. Только взяла – свалилась замертво.

Караульный разбойник все это время спал, а проснулся – девочка мертва. Загоревал разбойник и побежал в лес давиться. К его счастью, подоспели тут все остальные. Рассказал им разбойник, что случилось. Старший говорит:

– Не дело ты задумал. Вот, если ты найдешь виновника да накажешь его, как надо, тогда будет дело.

Погоревали разбойники, выбрали гору покруче да повыше, сложили из камней гробницу и на самой вершине положили туда мертвую в стеклянный гроб.

Много дней прошло с того времени. Пришлось в тех местах как-то охотиться ханскому сыну. А места глухие, лес дремучий, горы высокие, речки быстрые – и заблудился ханский сын. Бродил, бродил он по лесам – нет нигде ни дороги людской, ни тропы звериной. И вот видит ханский сын – льется

свет с горы, как будто звезда опустилась на ее вершину. Поразился ханский сын и направил туда коня. Кое-как добрался до вершины. Видит – лежит девушка в стеклянном гробу, подобная луне и солнцу. Смотрит ханский сын, не насмотрится. У девушки такой вид, будто она только что уснула. До того понравилась ханскому сыну красавица в стеклянном гробу, что он навьючил гроб на коня и направился в путь. Приехал домой. Занес стеклянный гроб к себе в комнату, никого туда не пускает, никому не показывает.

Видит хан: сын его начал худеть день ото дня. Забеспокоился он и отправил сына на лучшем скакуне порезвиться, поохотиться. Волей-неволей поехал ханский сын, а перед тем как ехать, закрыл свою комнату таким замком, что на коне не увезешь.

Как только уехал сын, велел хан позвать дарханов¹ да сбить замок. Так и сделали. Вошли в комнату, видят – красавица в стеклянном гробу.

– Вот что сотворили с моим сыном злые силы! Выбросить ее сейчас же!

Подняли слуги гроб, чтобы выбросить его в окно. Но тут случилось, что стукнулся гроб об колоду. А от удара раскрылся у девушки рот и выпала ягодка. Девушка ожила, Она была так хороша, что если кто посмотрит на нее, тот больше не в силах отвернуться.

Удивился хан, подобрав выпавшую ягодку. Расщепив ее на кусочки, дал мышонку – мышонок подох сразу; дал собаке – подохла и собака. Понял хан, что случилось, послал во все концы наказ, чтобы отыскать преступника.

А сын хана тем временем вернулся. Увидел он, что его красавица воскресла, влюбился еще больше и женился на ней. Вскоре родился у них сын. Решили устроить праздник в честь ребенка, и отец уехал в северные леса добывать побольше соболей и изюбров.

Узнал шаман, что охотникова дочь жива и не только жива, а в ханском доме живет, за ханского сына замуж вышла. Потерял шаман со зла покой, оделся он женщиной, отправился к хану.

– Возьми меня в няни, я колыбель хорошо качаю, хорошо песни пою, – говорит шаман ханше. Обманул шаман ханшу, стал няней.

Охотникова дочь пуще глаза берегла свое дитя. Но однажды она забыла закрыть дверь. Этого и ждал шаман. Зашел он в спальню, застал охотникову дочь сонную. Зарезал шаман ребенка, обмазал кровью губы, нос, руки матери, а нож спрятал ей под мышку. После этого прибежал коварный шаман к хану и говорит:

– Ах, посмотрите, хан-отец, что наделала ваша невестка! Она зарезала свое дитя и напилась его крови.

Не поверил хан. Бежит он в спальню – все так, как говорит няня. Помутился от ужаса разум у хана.

¹ Кузнецы

– О, проклятая, о, людоедка! За что же ты убила дитя свое? Слыхано ли, чтобы мать сожрала своего ребенка, виданное ли это дело? Выбейте ей глаз, сломайте руку, привяжите ей на спину младенца и выгоните ее вон!

Выбросили охотникову дочь с выбитым глазом, со сломанной рукой из ханского дома и побрела она с мертвым ребенком на спине. Измучилась, исстрадалась она, почернела от горя, пока не нашла студеной ручей у подножья горы. Кипел тот ручей, бурлил словно живой. Присела она отдохнуть у ручья и видит диво: выполз какой-то червяк из воды, схватил другого червяка, дохлого, потащил в воду. А тот, как только коснулся воды, зашевелился, задергался – ожил и уполз в сторону. Удивилась охотникова дочь и опустила в ручей сломанную руку – она тотчас же зажила. Умыла она глаз – зажил и глаз. Тогда опустила она в ручей ребенка – ожил ребенок и заулыбался.

Поправились мать с сыном, и пошла несчастная женщина, куда глаза глядят. Шла, шла и дошла до конца ханства. Приютил ее какой-то добрый человек, что жил на краю одного селения. Стала охотникова дочь кроить да шить одежду – прослыла большой мастерицей.

Слышит как-то охотникова дочь: хан послал во все стороны гонцов, скоро настанет день рождения ханского наследника, ее мужа, и ищут гонцы портного, который сшил бы для наследника самый красивый наряд.

Нарядилась охотникова дочь пареньком, чтобы ее не узнали, пришла в ханский дворец и видит там своих братишек. Их, как прославленных баторов, пригласил хан на праздник. Обрадовалась она, но виду не подала. А когда прошла мимо них, те сразу обратили внимание: родная кровь тянет.

– Ты посмотри, какие у паренька глаза! – заметил один.

– Он мне нравится, – сказал другой.

– А не кажется ли он тебе женщиной, ты посмотри, какие у него пальцы, – сказал первый.

– У него пальцы мастерицы, – сказал второй.

Хан велел позвать на праздник мудрецов, всех улигершинов¹.

– Может, и я сумею кое-что рассказать, – говорит охотникова дочь ханскому сыну, которому шила и примеряла платье. И она была принята как улигершин. Муж не узнал жену.

Наконец настал праздник. Съехались со всех сторон нойоны, богачи, мудрецы. Расставили кушанья на золотые столы: мяса целые горы, вина целое море. Началось состязание в мудрости, и продолжалось оно долго – не могли победить друг друга мудрецы.

– А послушаем теперь молодого улигершина! – говорит один из братьев.

¹ Скадитель

Встала охотникова дочь, поклонилась хану и ханше и начала рассказывать о своей жизни. И такая выходит сказка – льется, переливается, за сердце хватает. Рассказала она, как один охотник добыл дивную птицу, как его сыновья попробовали сердца и печени и стали плевать золотом и серебром. Рассказала, как жила дочь у разбойников, как она была похоронена в стеклянном гробу на горе, и как ханский сын увез тот гроб. Рассказала она обо всем, что проделал шаман-убийца. И поразились все: разгневались братья, разгневался муж и свекор, заплакала ханша, зарыдал народ.

– Кто ты, паренек, столь похожий на нашу невестку? – вскричали хан с ханшей.

– Кто ты, батор, столь похожий на мою жену? – спросил ханский сын.

– Кто ты, о, человек, столь похожий на нашу сестру? – спросили братья.

– Кто ты, о, сынок, перестрадавший больше всех из нас? – закричали в народе.

И ответила всем охотникова дочь:

– Я та, о ком поет улигер¹, – и упала без памяти.

Посылает хан гонцов во все стороны, объявляет народу: поймать шамана и наказать его, оденется женщиной – сорвать одежду, оденется зверем – содрать с него и шкуру.

Ищут шамана, ищут подлого, ни одного уголка не оставляют, ни речки, ни кустика. Наконец поймал его один молодец, нашел в болоте гнилом, между кочками. А нашел его тот самый разбойник, который проспал и допустил шамана с поганой ягодой к дочери охотника. И передал он шамана в руки братьев охотниковой дочери.

– Что делать с таким зверем? – спросили братья у народа.

– Казнить его! – ответил народ.

– Что решил народ – закон, – сказали братья и казнили шамана.

И все, счастливые, вернулись по домам.

¹ Сказка

МЭРГЭН ЗОРИКТО

В старое, давнее время недалеко от Байкала жил богатый-пребогатый бурят по имени Сарай. Когда стала его одолевать старость, он позвал к себе в юрту жену-красавицу Долгор и спрашивает ее:

– Как же мы будем дальше без детей жить? Кому наше богатство достанется? Кто нам подаст чашку чая, когда мы с тобой захвораем?

– То верно, – отвечает красавица Долгор. – Худо без детей, ой, как худо. Умрем и некому даже глаз нам закрыть.

Попечалился Сарай вместе с Долгор, подумал и говорит:

– Нет больше счастья, чем иметь детей. Чем же мы прогневали бурхана¹, что оделил он нас? Богатство, что мы имеем, от трудов наших идет, кругом степи и горы богаты травой, растет скот не по дням, а по часам.

Долго горевал богач, много ночей не спала красавица Долгор. Узнав о

¹ Бог, божество

горе богача, бедный сосед пришел и посоветовал:

– Не тужите, все уладится. Принесу я вам из лесу такую траву, что от нее старый становится молодым, а бездетные – большой семьей обзаводятся.

Обрадовался богач. Даже слеза выступила.

– Половину богатства тебе отдам, если твои слова сбудутся.

– Ничего мне от тебя не надо, Сарай, только выполни мой совет: пей ту траву, что я принесу, три раза в сутки и у тебя будут дети на загляденье.

Ждет не дождется старый Сарай соседа с травой. Наконец сосед приходит и отдает ему пучок травы, которой богач в своих родных местах никогда не видел. Много ли время прошло, мало ли минуло, никто не помнит. Только в один прекрасный день красавица Долгор разродилась и принесла сына. Потом второго и третьего. Жили сыновья в довольстве, росли скоро.

Время быстро летит, прошло несколько лет, и сыновья стали взрослыми. Не нарадуется на них отец, а о матери и говорить нечего. Только и разговору, что о сыновьях. Подошли дни, когда двух старших уже поженить надо. Пустились они по улусам и нашли себе таких жен, что ни в сказке сказать, ни пером описать, одна красивее другой, обе такие мастерицы на все руки, что все одноулусники Сарая удивлялись. Унты сошьют – хоть год по степи и тайге броди – ни за что не износишь, рукавицы стачают так, что тепло не выпускают, а шубу скроят всем на удивление, в гольцах не замерзнешь, на льду Байкала ночуешь, как в теплой юрте. Всему этому тоже рад старый богач Сарай, а вместе с ним радуется и красавица Долгор. Только одно ее печалит, что младший сын, которого со дня рождения нарекли Мэргэном Зорикто, будто умом слаб, говорит мало, все больше молчит. От братьев старших стороной держится, старается на глаза меньше попадать. Все это заметила мать давно, да все боится сказать старому Сарая, вдруг он скажет, что плохо выносила его в утробе, раз от рождения такой. Вот как-то старый Сарай подозвал к себе Долгор и спрашивает:

– Чего ты все время хмурой ходишь? Может, горе на душе есть, скажи?

– Нет у меня никакого горя, – скрывая от мужа правду, сказала Долгор и отвернулась.

– Твое горе – мое горе, – сказал Сарай. – Может, я тебя чем обидел, ведь уставшему коню и уздечка в тяжесть.

Посмотрела на своего Сарая красавица Долгор, ничего не сказала и пошла прочь. Не по нраву пришлось это Сарая. Вернул он Долгор и спрашивает:

– Скажи мне, Долгор, правду ли я думаю, что младший сын наш дурак или только прикидывается дураком?

– Не знаю, Сарай, не мастерица я пытать чужой ум.

Через день подзывает к себе Сарай младшего сына Мэргэна Зорикто и говорит ему:

– Вот тебе, сын мой, деньги, иди в город и купи себе, чего хочешь.

– Ладно, схожу, – ответил Зорикто и сразу же направился в город.

Пошел Зорикто в город не торопясь. Где кустик увидит, остановится, посмотрит и дальше путь держит. Подолгу сидел он у ручейков, любуясь, как вода переливается на камнях, как маленькие рыбки в погоне за пищей снуют с быстротою пули. Все это очень интересно Зорикто. Увидит высокую толстую лиственницу и на нее заглянет. Любопытный он был, а спросить не у кого: почему лиственница растет до самого неба, почему береза белая и так соку в ней много, почему кедрач не везде растет, а только в стороне от жилых мест. Чем и как звери живут, почему птицы летают, а он вот, Зорикто, только по земле умеет ходить.

Так в думах да раздумьях Зорикто дошел до города. Зашел он в одну лавку, ничего не купил, заглянул в другую, тоже ничего подходящего не нашел и подался он на базар. Тут народу видимо-невидимо, все больше продают, а не покупают. В такой толпе и заблудиться можно, хуже, чем в тайге. Походил, походил Зорикто, потолкался и вернулся домой ни с чем. Приходит к отцу с матерью, ложится спать и спит больше суток. Умаялся дорогой, шутка ли дело пешком в город сходить. Проснулся Зорикто, отец его спрашивает:

– Чем порадуешь старика, что купил?

– Ничего не купил, – отвечает Зорикто.

– Зачем же ты тогда ноги ломал?

– Искал бурхана, не нашел, вот и пустым пришел домой. Кроме бурхана мне ничего не надо.

– А знаешь ли ты, кто такой бурхан? – спросил отец сына.

Ничего не ответил Зорикто, он только надел шапку, попрощался с отцом и сказал:

– Ну, отец, будь здоров, счастливо тебе оставаться. Мне пора в путь-дорогу, пойду, себя покажу, на людей посмотрю.

Вышел Зорикто из юрты, посмотрел на четыре стороны и пошел, откуда солнце восходит. Отец вслед ему сказал:

– Найдешь бурхана, покажешь мне.

Тогда еще о бурханах буряты ничего не знали, не представляли, как они выглядят.

– Найду – обязательно покажу, – обернувшись к отцу, ответил Зорикто.

Долго шел Зорикто на восток, потом повернул на запад. Пока он шел, одноурусники смеялись и говорили, что Зорикто – настоящий дурак, ни с того, ни с сего вздумал искать бурхана. Кому нужен этот бурхан и есть ли он на свете. Так потешались над Зорикто долго, пока не забыли, что такой есть на свете. А Зорикто тем временем идет себе и идет, не зная отдыха, не ведая печали. Заблудиться он не мог: умел читать звезды, знал, как солнце

поворачивается, когда оно на запад идет, от востока начиная свой путь.

Через несколько дней пути он видит перед собой худенькую юрту, а около нее девушку. Как только девушка заприметила юношу, сразу же зашла в юрту. Остановился Зорикто, поглядел, как из юрты дым идет и под самое небо уходит. Огляделся по сторонам и решил мимо юрты не проходить, зашел в нее. В юрте жила старуха со своей немой дочерью. Старуха встала, поздоровалась с Зорикто, спросила:

– Откуда и куда, паренек, путь держишь?

– Иду счастье попытать, может, бурхана найду.

– То хорошо, – сказала старуха. – Моя дочь без языка, поклонись бурхану, и пусть она начнет говорить.

– Поклонюсь бурхану и попрошу, чтобы дочери вашей он речь дал.

Сказав, Мэргэн Зорикто быстро оделся и пошел дальше. Идет путем-дорогою, нигде не останавливается. Солнце уже закатилось, темнота началась. И видит: впереди чернеют какие-то кучи. Подошел поближе и увидел, что пропавший скот лежит. Попечалился Зорикто урону и тут же остался ночевать. Ночь проспал богатырским сном, а наутро пошел дальше. В это время стражники местного хана объезжали владения и видят: чужестранец по их земле ходит. Забрали они Зорикто и повели к самому хану во дворец. Во дворце сидел хан на ханском троне по имени Соронзон.

– Кто ты такой, куда и зачем путь держишь, – спрашивает хан Соронзон.

– Я сын богача Сарая Зорикто, иду бурхану поклониться.

– Я хан Соронзон, как видишь, сижу без воды, весь скот гибнет, трава засыхает. Скоро ханству моему конец. Попроси бурхана, чтобы он помог мне добыть воды.

– Буду стараться, – сказал Зорикто.

Паренька напоили и накормили, стал он собираться дальше. Хан приказал своим слугам, чтобы Зорикто дали на дорогу серебра и золота, и еще раз наказали ему, чтобы он постарался избавить все ханство от засухи. На обратном пути, наказал хан, чтобы Зорикто зашел к нему и доложил обо всем.

– Пусть не беспокоится ваш хан, – сказал Зорикто, – я выполню все, что надо, я вижу, как страдает простой народ. Он вымрет, если не будет воды.

Хан дал Зорикто в провожатые своих слуг, и они проводили его до самого моря. Остановился он у моря, огляделся, никого нету. Пошел вдоль берега, потом назад повернул, так и ходит взад и вперед. Черная дума на сердце легла. Как же перейти море, это не ручеек перепрыгнуть. Запечалился Зорикто, загоревал. Время идет, а он все ходит. Как же быть? И вдруг он слышит чей-то голос:

– О чем запечалился, паренек? Может, море перейти хочешь? Подойди сюда.

Удивился Зорикто, осмотрелся, никого нету, а голос слышал ясно. Что бы это значило? Ведь меня здесь никто не знает.

– Кто кликал меня? – спрашивает Зорикто.

– Это я – рыба морская, стало жалко тебя, что море переплыть не можешь.

Пошел Зорикто прямо по берегу и видит: поперек моря лежит рыба большая.

– Это ты меня звала? – спрашивает Зорикто.

– Да, я.

– Зачем ты меня звала?

– Хочу тебе услужить. Только прежде скажи, откуда ты и кто ты? Куда и зачем путь держишь?

– Иду в путь дальний бурхану поклониться.

– То хорошо, – говорит рыба. – Ты на мое счастье сюда попал. Вот уже десять лет лежу неподвижно. Попроси бурхана, чтобы он помог мне плавать. А теперь ты по моей спине можешь перейти море.

Долго шел Зорикто по спине рыбы и наконец добрался до другого берега. На берегу лиственницы толстые растут, вдвоем не обхватишь, за лиственницами кедрач до самых гор уходит, а дальше горы и гольцы видны, где, наверное, люди соболя и белку промышляют. Осмотрел все кругом Зорикто и подумал про себя: «Везде земля одинакова, везде лес растет, табуны пасутся, коровы по траве ходят, люди зверей бьют и тем живут».

Остановился Зорикто почти у самого берега и стал искать место для ночлежки. Выбрал поляну, развел огонь, сварил чаю, попил и заснул крепким богатырским сном. Спит и видит во сне, будто он лежит на берегу Байкала, около него конь спутанный ходит, на огне в чаше мясо варится, а мать сидит и поглаживает ему волосы на голове, как это делала, когда он был еще совсем маленький.

Утром рано проснулся. Зорикто, как охотник не поел и пошел в путь-дорогу. Отошел немного от моря, поднялся на сопку и видит: перед ним стоит высокий-высокий дом, крышей в небо упирается, весь серебром и золотом блестит, что смотреть на него прямо нельзя. Зорикто сразу догадался, что это дом бурхана. Он прибавил шагу, перевалил одну гору, за ней другую и оказался около самых ворот бурханова дворца. Зашел Зорикто на крыльцо и от сильного света у него пошли слезы, глаза не могли выдержать яркости и блеска. Зорикто собрался с силой, приоткрыл краешек двери и слышит:

– Батор Зорикто, за чем пришел ко мне. Говори, что надо, чем могу тебе помочь.

У Зорикто от удивления в горле все повысохло, слова вымолвить не может.

– Видишь ли ты меня? – спрашивает бурхан.

– Достоин ли я этого? – отвечает Зорикто.

– Говори, чем могу, тем и помогу.

Осмелел Зорикто и говорит:

– Дорогой я встретил женщину, у нее немая дочь. Верни ей речь.

– Не печалься, Зорикто, той девушке вернется язык. Говори дальше.

– В одном из ханств живет хан Соронзон. Беда у него, от безводья весь скот дохнет. Просил он, чтобы помог ты ему.

– Будет в ханстве Соронзона вода. Пусть плодится скот. Без скота людям худо.

– Еще у меня одна просьба есть. Видел я, как в одном море большая рыба без движения лежит. Просила она тебя, чтобы ты ей вернул способность плавать.

– Будет плавать та рыба, как и все другие.

Долго еще стоял Зорикто перед бурханом, но ничего больше не просил, о себе слова не вымолвил. Только хотел Зорикто двери за собой закрыть, бурхан говорит:

– Старухина дочь начнет говорить, когда жениха увидит, скот в ханстве Соронзона получит воду, если у истока реки откопать кости слона, которые завалили выход воды. Рыба начнет плавать и быстро передвигаться, если вытащить из ее рта драгоценный камень, который она закусил. Возьми этот камень, разбей его и раздай народу. Люди сразу на земле заживут хорошо, перестанут голодать, не будут знать ни нужды, ни горя.

– Я буду тебя славить, – сказал Зорикто. – Ты оказал всему человеческому роду большую услугу. А того, кто служит людям, забывать нельзя.

Бурхан этих слов не слышал. Он был в то время в своих палатах и говорил слугам, чтобы они дали Зорикто на дорогу золота и серебра, мяса. А еще велел бурхан дать Зорикто солового коня, который должен перенести его через моря и доставить домой. Перед самым отъездом Зорикто бурхан вышел на крыльцо и напутствие сказал:

– Ты, проникательный мудрый Мэргэн Зорикто, впредь заботиться должен о своем народе. Поезжай домой, пусть порадуются тобой отец с матерью и все, кому ты приносишь добро. С богом отправляйся в долгий путь, пусть тебе светят луна, звезды, реки и озера.

Несет соловка Мэргэна Зорикто выше леса стоячего, мимо облака ходячего. Не заметил, как он около моря оказался. Видит, перед ним рыба поперек моря лежит и не шевелится. Увидела она Мэргэна Зорикто и спрашивает:

– Что сказал бурхан, буду ли я передвигаться?

– Отдай ты мне свой драгоценный камень, что у тебя во рту, и тогда ты поплывешь.

– Верю тебе, Зорикто, – говорит рыба, – возьми камень.

Раскрыла рыба рот, приподняла голову и отдала ему камень. Заблестел тот

драгоценный камень так, что озарилось все на земле. Только одно солнце в состоянии было разогнать те лучи, которые шли от камня. Зорикто слез с солового, взял камень в руки и в это время услышал всплеск воды. То рыба недвижимая нырнула, вильнула своим хвостом и поплыла, куда глаза глядят.

– Как же быть с камнем, – задумался Зорикто. – Увезти нельзя, слишком большой и тяжелый, разломать – силы не хватит.

Призадумался и сказал сам себе:

– Может, звери и птицы мне помогут. Дай-ка кликну я их.

И кликнул. В тот же час к берегу моря подошло столько много зверей, что они сразу же разломали камень. Птицы подхватили осколки и разлетелись в разные стороны, чтобы их все раздать народу. С камнем все было кончено. Сел на своего соловку Зорикто и поехал дальше. Приезжает в ханство Соронзона. Хан вышел навстречу и спрашивает:

– Какими новостями, сын мой, ты обрадуешь меня?

– Твоя просьба, хан, исполнена. Будет у тебя в ханстве воды, сколько хочешь.

Хан обрадовался, велел своим слугам накрыть столы, угостить путника самыми дорогими блюдами. За столом Зорикто сказал:

– У истока реки пропал слон, кости его перекрыли родник. Надо откопать слона, и тогда берега наполнятся водой.

Собрал хан Соронзон со всего своего ханства людей, и стали копать родник у истока реки. Прокопали немного, и такой фонтан воды поднялся, что река сразу из берегов начала выходить. Радует хан, довольны и люди ханства Соронзона.

– Чем же мне тебя наградить? – спрашивает хан Соронзон.

– Ничего мне не надо, скажи доброе слово на дорогу, и я поеду.

Хан Соронзон велел дать Зорикто золота и серебра столько, сколько он захочет, загрузить этим золотом и серебром несколько телег, и пусть они следуют вместе с ним. Но самое ценное, что дал хан Соронзон – скот. За это Зорикто поблагодарил хана.

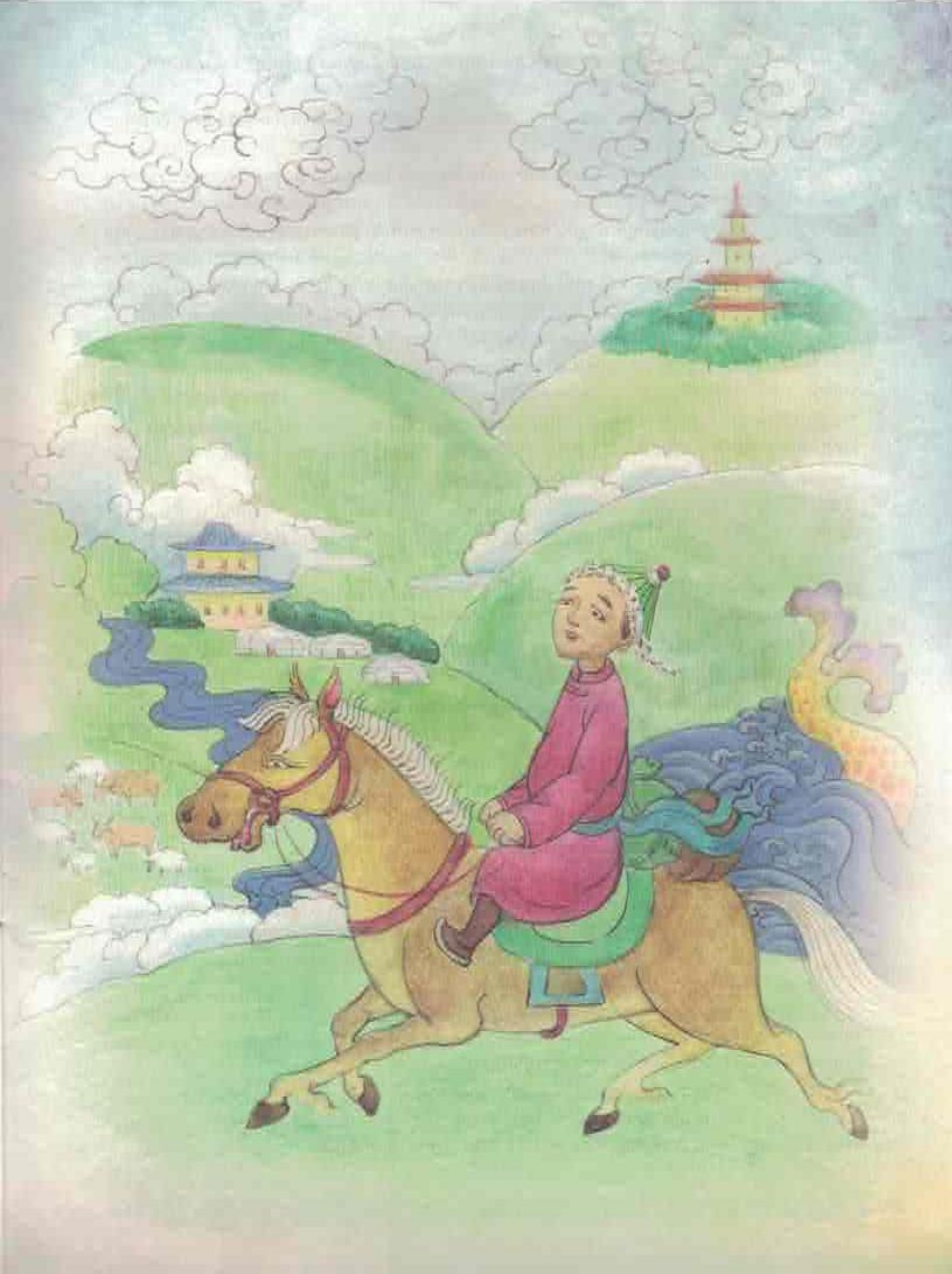
Понес соловка Зорикто дальше. Ехал, ехал Зорикто, много долин и гор миновал, много речек переплыл, и вот перед ним дом старухи, у которой дочь без языка. С громким лаем встретила Зорикто собака старухи. Выходит ему навстречу дочь старухи и говорит:

– Мама, к нам едет на соловом коне тот добрый юноша, что заходил к нам, когда пешком шел.

Мать пришла в страшное удивление: восемнадцать лет дочь не говорила и вдруг ей вернулась речь. Она выбежала на двор и видит, что с солового коня слезает Зорикто, который шел на поклонение бурхану.

– Какую новую весть ты нам привез? – спрашивает старуха.

– Мудрый бурхан сказал, что как только ваша дочь увидит суженого, так сразу у ней появится язык.

– То верно, восемнадцать лет дочка моя была без языка и вот сейчас увидела тебя и сразу заговорила.

Тут и сама дочь сказала, что как только она увидела Зорикто, так сразу к ней вернулся язык.

– Раз к тебе вернулся язык, как увидела меня, значит, волею бурхана ты должна стать моей женой.

– Так и быть должно, – ответила дочь старухи, – ведь за восемнадцать лет я много видела молодых людей, и никто не мог мне вернуть языка. Только ты один это смог сделать, потому я буду тебе верной женой.

– Не хочу я видеть разлуки вашей, станьте мужем и женой, – благословила мать.

Зорикто посадил на коней дочь и старуху, и поехали они все вместе. Недолго ехали и видят, стоят на берегу моря рыбаки и ловят рыбу.

– Эй, добрые люди, дайте мне одну рыбу.

Он слез с коня, подошел к неводу и выбрал самую большую и толстую рыбу. Пошел Зорикто с рыбой вдоль берега, да и обронил ее. Та сразу в воду, вильнула хвостом и говорит:

– Ты, добрый батор, постой здесь, а я поплыву в море и расскажу о тебе своему отцу.

– Что это за рыба, – удивляется Зорикто, – говорит человеческим голосом и плавает так скоро.

Не успел Зорикто подумать, как подъезжает к нему на сивом коне человек и говорит:

– Садись сзади на моего коня, и поедем, тебя морской царь в гости зовет.

– Как же я в глубину морскую зайду, это не по мне, я привык по степям и тайге ездить, в воде никогда не бывал, боюсь.

– Ничего, – ответил человек. – Садись за мной, и поедем.

Не хочет Зорикто расставаться со своим соловкой. Он взял повод в руки, а сам уселся на коня морского слуги и так они въехали в море. Вот едут, едут, и вдруг перед ними большой и длинный железный мост появился. Поехали они по мосту, который вел прямо во двор морского царя. Подъезжают к крыльцу, навстречу ему царь.

Он подошел к Зорикто, поцеловал его, взял за руку и повел к себе в палаты. Там уже были приготовлены разные яства, от которых ломились столы, и они стали есть да пить. За обедом морской царь говорит:

– Не будь тебя, пришлось бы мне горевать всю жизнь без моей любимой красавицы, погибла бы она от рук злых людей. Чем же мне тебя, батор, отблагодарить за спасение дочки, каково твое желание?

– Ты царь и знаешь, как дорого ценится человеческая жизнь. Дай мне какую-нибудь драгоценность, и я буду доволен.

– Как тебя зовут, батор? – спросил царь.

– Меня зовут Мэргэн Зорикто.

– Так вот, Мэргэн Зорикто. Я дам тебе волшебную шапочку, козью доху и золотой молоток. Ударишь золотым молотком по земле – перед тобой сразу вырастет трехсаженный золотой дом, наденешь волшебную шапочку – станешь невидимым. Стоит облачиться в доху, то и в огонь идти можно, но если потрянуть ею – пойдет дождь проливной. Думаю, что эти драгоценности будут неплохой платой за спасение от гибели моей дочери-красавицы.

– Прежде чем принять от тебя столь диковинные подарки, – сказал Зорикто, – мне надо на них посмотреть, испытать.

– Принести все драгоценности, – крикнул царь.

Когда разложили их перед Зорикто, он взял молоток, стукнул о землю, и перед ним сразу же вырос трехсаженный золотой дом. Затем Зорикто надел козью доху, и тут же полил проливной дождь. Одному из слуг водяного царя он велел надеть волшебную шапочку, тот надел, и сразу стал невидимым. Поблагодарил Мэргэн Зорикто царя за все подарки и тронулся в путь-дорогу домой. Царь приказал:

– Садись на моего сивого коня, и ты спокойно переедешь море.

Слугам он сказал, чтобы они проводили его до самого дома. На прощание морской царь сказал:

– Когда тебе что-нибудь потребуется, ты только крикни «Норчжима», и я приду на помощь.

– Непременно, – ответил Зорикто.

Он попрощался с царем, сел на солового коня и поехал.

Едет Мэргэн Зорикто знакомой дорогой. Встречает с детства знакомые места, снова видит перед собой могучие лиственницы, подпирающие небо, кудрявые березы, раскинувшиеся рощи черемухи и массу зверей и птиц. Долго ехал Мэргэн Зорикто, прежде чем попасть домой. Но вот и родной улус, вон родная юрта. Задумался Зорикто: живы ли отец с матерью, не хворают ли они, не похоронили ли меня заживо. Тревожно что-то стало на душе у Зорикто. Слез перед родной юртой Зорикто, принагнулся и зашел в нее. Мать по-прежнему такая же красивая, как и была, когда он расставался с ней. Отец немного сгорбился, но такой же гордый, как и был в прежние годы. Старый Сарай и красавица Долгор посмотрели на вошедшего и спрашивают:

– Чей ты и откуда, сынок?

– Неужто отец родной и мать родная не узнали сына своего, что бурхану пошел поклониться?

– Где же твой бурхан? – спрашивает отец.

– Вот он, со мной, – отвечает сын.

Он надевает волшебную шапочку, и тут сразу сына не стало. Потом Зорикто берет в руки молоток, стукнул о землю, и моментом перед глазами вырос трехэтажный дом. Затем Зорикто надел козыю доху, потрянул ею, и тут же полил дождь как из ведра.

Смотрит старый Сарай на своего сына и диву дается. Откуда у его Зорикто такая сила?! Хотя он об этом ничего не говорит Зорикто, но в душе радуется, что младший его сын превзошел всех братьев.

Собрались одноулусники и тоже диву даются, как это Зорикто умеет так быстро строить, дождь вызывать и тут же невидимкой становиться.

– Сын мой дороже золота, – сказал старый богатый Сарай. Теперь мое богатство и гроша не стоит против того, что умеет делать Зорикто.

Отец с матерью стали счастливыми, что у них вырос такой сын. Зажили богаче и одноулусники, Мэргэн Зорикто помогал им чем только мог.

СЫН БЕДНЯКА И ЖЕСТОКИЙ ХАН

Было это во владениях злого, жестокого, бессердечного хана.

Жил в тех местах не старый еще бедняк с сыном. Хан его притеснял, заставлял работать даром, кормил впроголодь. Бедняк не мог придумать, как избавиться от кабалы. Однажды он собрался в лес и взял с собой сына. Шли они и разговаривали.

– Соседи завидуют моему уму и ловкости, – говорил отец. – Я могу из сорочьего гнезда яйцо утащить – и сорока не заметит. А вот хана мне не провести...

Сын показал отцу на дерево – на самой макушке было сорочье гнездо.

– Попробуйте, достаньте яйцо, чтобы сорока не увидела. Она как раз в гнезде сидит.

Отец подошел к дереву, обхватил его ногами в унтах и полез. Сын усмехнулся, вытащил нож, быстро срезал с отцовских унтов подошвы. Отец достал из гнезда сорочье яйцо, спустился вниз и ахнул: унты-то оказались без подошв!

– Ну и сын! – рассмеялся бедняк. – Ты, пожалуй, можешь самого хана обхитрить.

Рассказал он соседям про ловкость сына, и пошла молва о том, что сын бедняка очень умный и хитрый.

Скоро хан призвал умного и ловкого паренька к себе во дворец.

– Слышал я, – грозным голосом сказал хан, – что ты умен да хитер. Так ли это?

– Так, светлейший хан, – смело ответил сын бедняка.

– Ха-ха-ха! – раскатисто рассмеялся хан. – Ха-ха-ха! Ты просто хвастун.

От хохота жирное брюхо у хана колыхалось, щеки тряслись, а глаза были красные, злые.

– Вот я тебя испытаю. Слушай: в домике, во дворе у меня стоит ручная мельница. Сумеешь унести ее сегодня ночью, чтобы никто не видел, – твоя будет. Не сумеешь – голову сниму. Понял?

– Понял, – спокойно ответил сын бедняка. – Попробую.

Вечером хан спустил с цепей девяносто четыре злых собаки и приказал двум баторам всю ночь непрерывно вертеть ручную мельницу. Потом призвал придворного палача и велел ему наточить топор.

– Ха-ха-ха! – смеялся хан, укладываясь спать. – Посмотрим, кто кого перехитрит!

Ночью паренек пробрался во дворец, увидел собак, баторов и вернулся домой. Голыми руками мельницу не добудешь!

Дома он набрал полный мешок костей, взял большую чашку саламата¹ и снова пошел на ханский двор. Дал по косточке всем девяносто четырем собакам и, пока они дрались из-за костей, стал пробираться дальше. Чашку с саламатом поставил у дверей дома, где стояла ручная мельница, а сам спрятался.

Вот один батор захотел выйти на улицу отдохнуть. Он наказал второму, чтобы тот не отлучался от мельницы.

– Вернись, ты отдохнешь, – сказал он ему.

Батор вышел на двор и увидел у дверей большую чашку саламата.

– О, добрый, заботливый хан-отец! – проговорил обрадованный батор. – Позаботился о нас, приготовил угощение!

¹ Сытное блюдо из сметаны

Он съел весь саламат, облизал чашку, вернулся к батору и все рассказал ему.

– А мне ты оставил саламата? – спросил тот.

– Нет, все съел...

Второй батор рассердился, стал ругаться, кричать, полез драться. Баторы сцепились, выкатились на улицу. А хитрому пареньку того и надо было. Пробрался он в дом, схватил мельницу и убежал.

Когда рано утром хан пришел посмотреть – на месте ли мельница, баторы еще дрались.

– Стойте! – властно крикнул хан. – В чем дело?

– Да вот, – стал объяснять один батор, показывая на другого, – он съел весь саламат, который вы принесли нам двоим....

– Какой саламат? – заревел хан диким голосом. – Где мельница?

А мельницы не было. Нечего делать, вернулся хан домой.

Утром паренек пришел во дворец, принес ручную мельницу.

– Хан-отец, вот ваша мельница, – насмешливо сказал он,

– Ну, погоди же! – свирепо проговорил хан. – Я тебя проучу. Слушай: если сегодня ночью ты сумеешь увести с моего двора трех лучших иноходцев, они станут твоими. Если не уведешь – отрублю тебе голову. Понял?

– Попробую, – поклонился хану сын бедняка.

Вечером хан запер трех лучших иноходцев в амбар, поставил двух караульных. Позвал палача и велел ему наточить топор, а сам лег спать.

Хитрый паренек оделся в ханский халат и ночью отправился к караульным.

– Ну, что? – спросил он караульных хриплым ханским голосом. – Не приходил еще этот парень?

– Нет, хан-отец, не приходил, – ответили те. – Будьте спокойны, он нас не проведет.

– Смотрите, он хитрый, – предупредил паренек. – Не прозевайте коней...

Через некоторое время он пришел еще раз и принес караульным большую бутылку молочной водки.

– Замерзли, наверное, давно стоите. Выпейте по чашечке, согреетесь.

– Спасибо, хан-отец, за заботу, – закланялись караульные, – очень холодно на улице.

Паренек налил им по чашке, поставил бутылку у стены амбара и строго сказал:

– Водка будет стоять вот здесь. Больше не пейте, захмелеете.

Только он отошел, караульные налили себе еще по чашечке.

Скоро паренек в ханском халате снова вернулся к амбару.

– Не появлялся этот хитрец? – спросил он хриплым голосом. – Теперь уже,

наверное, не придет. Побоялся. Разрешаю вам еще по одной чашке водки выпить.

– Да будет по-вашему, хан-отец! – весело отозвались караульные и быстро опрокинули по чашке водки в рот.

– Холодно станет, еще по одной можете, но не больше, – сказал паренек и ушел.

Едва он скрылся в темноте, караульные бросились к бутылке. Напились, опьянели и завалились спать.

Хитрый паренек подкрался к ним, вытащил ключ, отпер замок, вскочил на иноходца верхом, двух других взял за поводья и ускакал домой.

Утром хан пришел к амбару и остолбенел: амбар открыт, коней нет, пьяные караульные валяются на земле возле стены. Рассвирепевший хан их растолкал и громко спросил:

– Где кони?

Но караульные понесли какую-то чушь, будто хан всю ночь поил их водкой. Махнул на них хан рукой и отправился во дворец.

Придя во дворец, приказал он, чтобы к нему немедленно привели того хитрого парня.

– Я такого бесчестия не потерплю! – гневно закричал на него хан. – Ты меня опозорить задумал?! Ну, нет... Вот тебе еще одна задача: стащи сегодня ночью соболью шубу моей жены. Сумеешь – шуба твоя будет. Попадешься – голову отрублю, юрту спалю, последнего барана у твоего отца отберу.

Паренек молча кивнул: ладно, мол, постараюсь.

Вечером хан приказал жене надеть соболью шубу и лечь спать в комнате на самом верхнем этаже дворца.

– Да смотри, чтобы этот парень шубу с тебя не снял, – сердито предупредил хан жену. А сам сел у окна спальни с луком и стрелами наготове.

Ночью парень подошел ко дворцу, все высмотрел, обдумал и отправился на кладбище. Выкопал из могилы покойника, которого в этот день похоронили, и притащил его к ханскому дворцу. Взвалил его к себе на плечи, долез по стене до спальни, где спала ханша, и прислонил к окну так, как будто живой человек в спальню заглядывает. Хан увидел, закричал от радости, натянул тетиву лука и выстрелил.

Человек за окном взмахнул руками и полетел вниз.

– Наконец-то я от него избавился! – засмеялся довольный хан. – Нужно его поскорее закопать, пока опять что-нибудь не случилось.

Разбудил хан слуг, вместе с ними поднял убитого и остался посмотреть, чтобы его получше закопали.

А хитрый паренек, пока хан возился с покойником, пробрался во дворец, нарядился в ханский халат и в темноте разбудил ханшу.

– Убил я вора, – сказал он хриплым голосом. – Теперь можно спокойно уснуть. Ты-то как спала, дорогая?

Ханша заворочалась, завздохала.

– Ты что охаешь? – спросил паренек ханшу, ну точь-в-точь как сам хан спросил бы.

– Жарко мне, ведь я в шубе лежу, чтобы тот хитрый ее не стащил.

– Можешь раздеваться. Больше опасаться нечего...

Сняла ханша шубу и сразу уснула. Паренек схватил шубу и в дверь.

Только он ушел, явился хан. Разбудил жену, спросил:

– Хорошо ли спала, дорогая?

Ханша рассердилась:

– Да ты что, в самом деле! Только что разбудил меня и спрашивал, а теперь снова спать не даешь.

– Когда спрашивал? – удивился хан. – Я только что пришел.

– Не обманывай! – закричала ханша. – Ты был и шубу велел снять.

– Где шуба? – завопил хан, накидываясь на жену с кулаками. Но шуба исчезла.

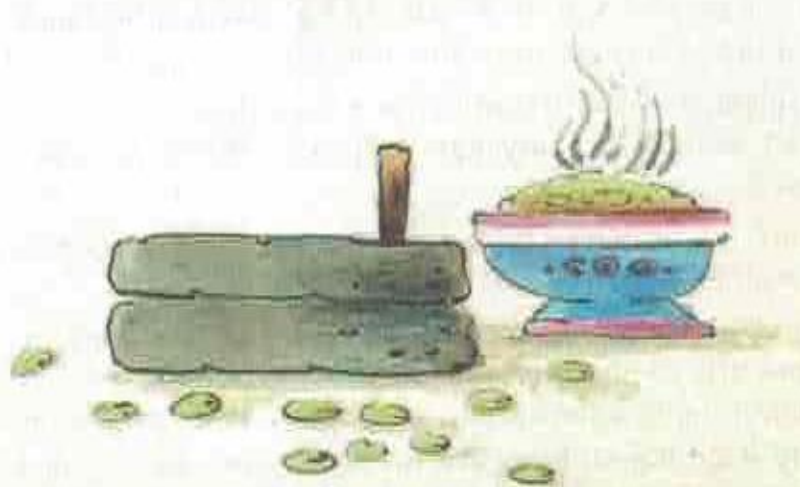
Рано утром во дворец явился хитрый паренек. На нем была нарядная, дорогая соболья шуба. Он остановился на пороге.

– Примите утренний привет, хан-отец, и вы, ханша-мать, – насмешливо проговорил он. – Как спалось, спокойная ли была ночь?

Хан сжал кулаки и бросился к парню.

– Уйди, – хрипло закричал он. – Голову с плеч снесу!

А хитрого парня и след простыл.

У СТАРОСТИ – МУДРОСТЬ

В старые, давние годы жил, рассказывают, хан Санад.

Однажды со всем своим народом решил он укочевать в другие земли, где пастбища обширнее, места богаче. Но путь до этих земель был долгий и тяжелый.

Перед самой кочевкой хан Санад приказал убить всех стариков.

– Старики будут мешать нам в пути! – сказал хан. – Ни одного старика не должно быть с нами, ни одного старика не должно остаться в живых! Кто не выполнит этого моего приказа, будет жестоко наказан!

Как ни тяжело было людям, пришлось им все же выполнить жестокий ханский приказ. Все они боялись хана и ни в чем не смели его послушаться.

Только один из подданных хана Санада, молодой Цырен, не стал убивать своего старого отца.

Сговорился он с отцом, что спрячет его в большой кожаный мешок, и так, тайно от хана и всех других, перевезет на новые места. А там – что будет, то и будет...

Поднялся хан Санад со своим народом и со своими стадами, отправился с юга на север – в далекие земли. А вместе со всеми в большом кожаном мешке, переброшенном через спину лошади, ехал и старый отец Цырена.

Тайком от всех Цырен кормил и поил отца, а на привалах, когда было совсем темно, развязывал мешок и выпускал старика, чтобы он мог отдохнуть, расправить затекшие руки и ноги.

Так они шли долго и подошли к большому морю. Здесь хан Санад приказал остановиться на ночлег.

Один из приближенных хана подошел к самому берегу моря и заметил, что на морском дне что-то блестит и светится. Пригляделся он и увидел, что это большая золотая чаша удивительной формы. Приближенный немедля отправился к хану и доложил ему, что на дне моря, возле самого берега, лежит драгоценная золотая чаша.

Хан Санад, не раздумывая, приказал сейчас же достать ему эту чашу. Но никто по своей воле не решался нырнуть на дно моря.

Тогда хан приказал нырять за чашей по жребию.

Первый выпал жребий одному из людей хана. Нырнул он, а обратно не вынырнул.

Выпал жребий другому. Кинулся он с высокого обрывистого берега вниз, да так навсегда и остался в морской пучине...

Таким образом погибло на дне моря много людей хана Санада.

Но безжалостный хан и не думал отказаться от своей затеи. По его приказу ныряли в море и погибали там один за другим его покорные подданные.

Наконец выпал жребий нырять за чашей и молодому Цырену.

Пришел он к тому месту, где спрятал своего отца, и стал с ним прощаться.

– Отец, – сказал Цырен, – прощай! Погибнем оба мы – и я и ты...

– Что такое случилось? Почему ты должен погибнуть? – спросил старик.

Цырен рассказал отцу, что по жребию должен он нырнуть в морскую пучину за чашей.

– А оттуда еще никто не возвращался, – закончил он свой рассказ. – И вот я погибну по ханскому велению в море, а тебя найдут здесь и убьют слуги хана...

Выслушал это старик и сказал:

– Эх вы! Так вы все утонете в море, а золотую чашу все равно не достанете. Ведь чаша эта лежит не на дне моря! Видишь ты вон ту гору, которая высится неподалеку от моря? Вот на вершине этой горы и стоит золотая чаша. То, что вы принимаете за чашу, – только ее отражение. Как вы все не догадались об этом?

– Что же мне делать? – спросил Цырен.

– Поднимись на гору, найди чашу и принеси ее хану. Найти ее на горе нетрудно: по блеску чашу можно заметить издалека. Но, может быть, чаша стоит на такой неприступной скале, на которую ты не сможешь взобраться. Тогда сделай вот что: дождись, пока на скале появятся козули, и пугни их. Козули бросятся бежать и столкнут чашу. Не теряй тогда времени – хватай ее, не то она может упасть в глубокое темное ущелье!

Цырен сейчас же отправился к горе.

Нелегко ему было взобраться на вершину горы. Цеплялся он за кусты, за деревья, за острые камни, исцарапал в кровь лицо и руки, изодрал одежду. Наконец он поднялся почти на самую вершину и увидел, что на высокой, неприступной скале сияет красивая золотая чаша.

Видит Цырен, что на скалу ему ни за что не взобраться. Тогда он, по совету отца, стал поджидать, когда на скале появятся козули.

Ждать ему пришлось недолго: на скале появилось несколько козуль. Они спокойно стояли и смотрели вниз. Цырен крикнул что было силы. Козули

стали в испуге метаться по скале и столкнули золотую чашу. Чаша покати­лась вниз, и Цырен ловко подхватил ее.

Веселый и довольный спустился он с горы, пришел к хану Санаду и поставил перед ним чашу.

Хан спросил его:

– Как ты достал эту чашу из моря?

– Я достал ее не из моря, – ответил Цырен. – Я принес ее с вершины вон той горы. В море было только отражение этой чаши.

– Кто же тебе сказал об этом?

– Сам догадался, – ответил Цырен.

Хан больше ни о чем не стал расспрашивать и отпустил его.

На другой день хан Санад со своим народом двинулся дальше.

Долго они шли и дошли до широкой пустынной земли. Солнце раска­лило землю, выжгло всю траву, кругом не было ни реки, ни ручья. Люди и скот стали томиться от сильной жажды. Посланные ханом на поиски воды скакали во все стороны, но найти воду не могли – всюду была сухая, раскаленная земля. Ужас охватил людей. Они не знали, как им быть и что делать...

Тогда Цырен тайком пробрался к отцу и спросил его:

– Отец, скажи, что нам делать? Ведь народ и скот гибнут без воды!

Старик сказал:

– Отпустите трехгодовалую корову и проследите за ней. Где она остано­вится и будет нюхать землю, там копайте.

Цырен побежал и отпустил трехгодовалую корову. Корова низко опу­стила голову и стала бродить с места на место. Наконец она остано­вилась и стала шумно нюхать горячую землю.

– Копайте здесь! – сказал Цырен.

Люди принялись копать и скоро докопались до большого подземного источника. Хлынула холодная, чистая вода и потекла по земле. Напились все вволю, повеселели, ободрились.

Хан Санад призвал к себе Цырена и спросил его:

– Как ты мог найти подземный источник в этом засушливом месте?

Цырен сказал:

– Я нашел его по приметам...

Напились, отдохнули люди и отправились дальше.

Много дней шли они и остановились на привал. Ночью неожиданно пошел сильный дождь и залил огонь. Продрогшие, мокрые, они не знали, что им делать.

Наконец кто-то заметил на вершине далекой горы огонек костра.

Хан Санад дал приказ сейчас же отправиться на гору и принести огонь.

Люди бросились выполнять приказ хана. И один, и другой, и третий отправлялись на гору. Все они находили костер под густой елью и охотника, который грелся у этого костра. Все они брали горящую головню, но донести ее до своей стоянки не могли – головня под дождем гасла.

Разгневался хан Санад и приказал казнить всех, кто ходил за огнем и не донес его.

Пришел черед идти за огнем и Цырену.

Пробрался он к своему отцу и спросил:

– Как тут быть? Как донести огонь с горы до стоянки?

Старик сказал:

– Не бери горящие головни – они все равно погаснут по дороге, или истлеют, или дождь их зальет. Возьми с собой большой горшок, набери в него побольше углей и принесешь огонь на стоянку!

Цырен сделал так, как научил его отец. Принес он с горы полный горшок горячих углей. Люди развели костры, обсохли, обогрелись, приготовили пищу.

Узнал хан, кто принес огонь, и приказал Цырену явиться к нему.

Когда Цырен пришел, хан Санад стал сердито кричать на него:

– Что же ты: знал, как донести огонь, и молчал до сих пор? Почему ты не сразу сказал, как надо донести огонь?

– Я и сам не знал... – ответил Цырен.

– А как же ты узнал потом? – стал допытываться хан.

И он так долго и настойчиво допытывался, что Цырен наконец сознался, что все приказания хана он смог выполнить только благодаря советам своего старика отца.

– Где же твой отец? – спросил хан.

Цырен сказал:

– Всю дорогу я вез его в большом кожаном мешке.

Тогда хан приказал привести старика и сказал ему:

– Я отменяю свой приказ. Старики – не помеха молодым. У старости – мудрость. Можешь не прятаться и ехать открыто вместе со всеми!

ЖЕЛТО-ПЕСТРАЯ ЗМЕЯ И ОХОТНИК

Раньше в улусе Хадай жил один большой охотник. Охотился он однажды в местности Хогото, на высокой горе Улаан, и так увлекся охотой, что не заметил, как совсем стемнело. Хотел он выбраться из тайги, но в темноте заблудился. Идет наугад и не может выбраться. «Придется здесь переночевать, другого выхода нет», – решил охотник и стал готовиться к ночлегу.

Подобрал он место для ночлега, стал собирать дрова, чтобы разжечь костер. И вдруг вместе с дровами провалился в яму, угонив прямо в змеиное жильё, большое, с юрту, даже больше. В нем было полным-полно змей. Змеи лежали между плоскими, расположенными как полочки в магазине, камнями. Все щели в яме были забиты ими. Увидев человека, змеи зашипели со всех сторон, вылезли из-под камней и стали подползать к нему. Перепугался охотник, задрожал.

В это время что-то зашевелилось в северо-восточном углу. Охотник повернулся туда и увидел большую-пребольшую желто-пеструю змею.

Приползла она в центр и зашипела – все змеи скрылись, забились в щели. Затем желто-пестрая змея подползла к охотнику. Страшно стало ему. Но что же делать, не выйти оттуда.

Увидев такую безобразную змею, длиною со столб юрты, и с очень большой головой, человек со страху чуть не помер. Чем ближе подползает она к человеку, тем больше он дрожит, боится, что она ужалит. Подползла змея к человеку, оглядела его сверху вниз, снизу вверх, повернула обратно, забралась на свое место и легла.

Охотник побежал искать какую-нибудь дыру или отверстие, чтобы выбраться оттуда. Искал-искал, вдруг вышел на одну тропинку. Подумал, что эта тропинка выведет его наверх, отправился по ней. Шел он, шел, тропинка не вывела его наверх, а привела в нижнее замби¹.

– Куда же я опять попал? – с удивлением озирается он по сторонам.

Люди нижнего замби были низенькие, черные, гораздо меньше обычных людей. А скот их: коровы, овцы – выглядели очень маленькими, стоило их погладить по спине – сваливались мертвые.

¹ Мир, вселенная

Охотника там все называли шудхэром¹ из верхнего замби. Когда разговаривали между собой люди нижнего замби, охотник почти ничего не понимал, лишь кое-что улавливал. «Нет, так не пойдет, – решил он и стал искать дорогу, которая могла бы его вывести наверх. Пошел он обратно по тропинке. И она привела его к той же желто-пестрой змее. Змея подползла к нему, оглядела и похлопала себя по плечу.

Очень страшная была змея: голова огромная, рот большой, а руки, как у человека. «Просит сесть на нее», – решил охотник и сел на змею верхом. Только он сел на желто-пеструю змею, как она сразу же поднялась вверх. Выбрались они из этой ямы, высадила змея охотника там, где он оставлял ружье, которое уже успело заржаветь за это время. Змея различными знаками объяснила охотнику: «Вычисти хорошенько свое ружье». Тот снял с дерева ружье, вычистил до блеска, зарядил. Змея опять похлопала по плечу. «Просит сесть», – смекнул он сразу и сел на нее верхом.

Сел охотник на змею, полетела она. Летела, летела, прилетела к горе Капсал.

– Мы прибыли во владения капсальской черной змеи, – говорит она человеку. – У нее много золота. Я хочу умертвить эту змею и завладеть ее золотом. Ты должен зайти в эту змеиную яму. Как появишься, так все змеи зашипят, затем выползет капсальская черная змея. Нацелишься в нее хорошо и выстрелишь в упор.

– Погибель или спасение – одна дорога, – решил охотник и спустился в змеиную яму.

Увидев человека, все змеи зашипели и подползли к нему. За ними показалась капсальская черная змея. Охотник нацелился и выстрелил в упор. Когда змея свалилась, он выстрелил еще раз. Поднялся густой дым, и все змеи скрылись.

В это время появилась желто-пестрая змея. Разрезала она грудь капсальской черной змеи, вынула оттуда круглое золото и проглотила. Затем посадила человека на спину и полетела обратно, к горе Улаан. Там она рассталась с человеком и спустилась в свою яму.

Змеи имеют своих нойонов, ханов. Охотник убил нойона капсальских змей и этим переполошил, встревожил всех его подданных. На горе Капсал созвали собрание, вызвали нойона змей с горы Улаан и спросили:

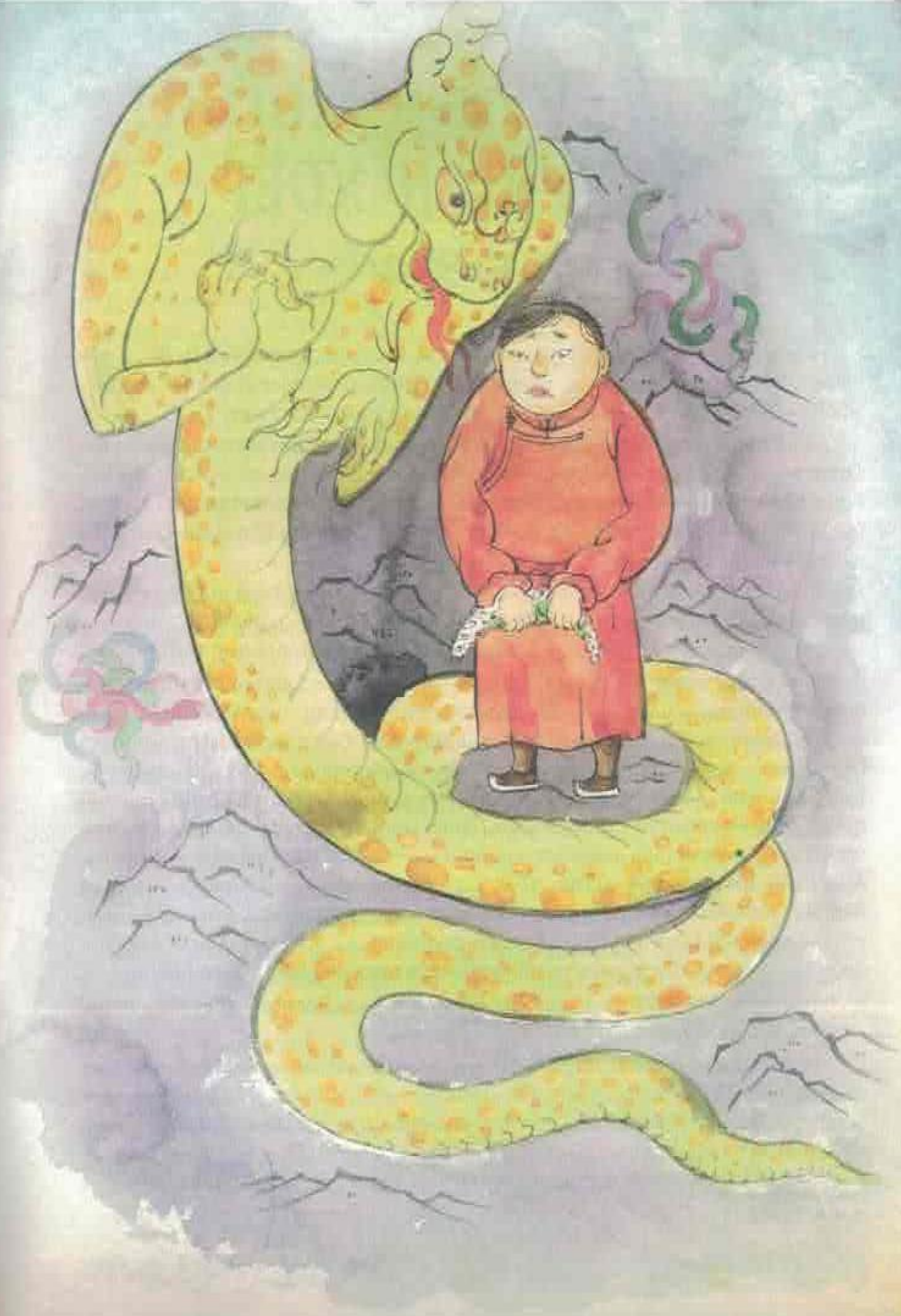
– Ты зачем убила капсальскую черную змею и внесла такой переполох?

– Капсальская черная змея – моя должница, – ответила та, – поэтому я взяла у нее золото. Убила же не я, а охотник с горы Улаан.

Так виноватым стал охотник, поэтому его преследовала месть: умерли все его близкие, родные. Кто убивает хана змей, тому не миновать несчастий.

¹ Черт

ШАРА ЭРЕЭН МОГОЙ АНГУУШАН ХОЁР

Урдын урда сагта Хадай нютагта бэрхэ ангуушан байһан юм. Тэрэ хүн нэгэтэ хээрэ агнахаяа гараад, үдэшэ орой болотор ойлгонгүй ябаһан байгаа. Ябаһан газарынь Хогоото гэжэ нэрэтэй, Улаан үндэр хада дээрэ.

Үдэшэ болоходо ангуушамнай тэндэһээ гарахам гэжэ ябатараа төөришөө. Төөрөзд, ябана ябана. Иишээш тиишээш гаража ядахадаа, хонохо болоо. Бэшэ арга олдохойёо болёо гэжэ хонолгын газар бэлдэбэ. Түлээ залаһа асаржа гал түлихэмни гэжэ ябаһаар, түлээтэээ нэгэ нүхэ руу унашаба. Тэрэнь могойн нүхэн байгаа.

Харахада хүри шэнги ехэ юм, хүриһөөшье ехэ хадаа. Тэрэ гэр соо дүүрэн могойнууд бисалжа исалжа байгаа аалам. Тэдэнь дэлгүүрэй тагуудта табигдаһан шэнги шулуунуудай забһараар дүүрэн бултайлдажа хэбтээ һэн.

Хүнии дээрэһээ унахалаар, тэрэ могойнууд хаана яанаһаа хуу шоншоролдоод, шулуунуудай забһарһаа гараад ерэбэд. Мүнөөхи ангуушамнай угаашье ехээр айгаа, һалганаа, бүжэгэнөө. Хари тиигэжэ байхадань, зүүн хойто буландань юумэ һаршаганаадхиба. Харахадань, тэндэһээ нэгэ аймшагтай томо шара эрэн могой гараад ерэбэ. хүриин дунда гаража ерээд дуугархалаарнь, бэшэ могойнууд хуу баран нүхэ руугаа ороодхёо. Тиигээд тэрэ шара эрэн могой мүнөөхи хүнэймнай хажууда ерэбэ. Ангуушан яһалааршье айгаа, теэд яахаб, гарахашье орохошье газаргүй байһан хойноо. Хү-нэй хүнэһэ гаргахаар мандагар могой байгаа аалам: утаараа хүриин тээнгийн барта болохо, толгойньшье угаа ехэ. Хүнэй хажууда ойро болоходонь, нүгөөдэнь намайе эдихэнь гэжэ ехэ һалганажа байгаа.

Хүнэй хажууда ерээд, дээшэ доошонь хараад, һөөргөө эрьежэ ошоод, уургайдаа ороод хэбтэшэбэ.

Тиихэлээрнь мүнөөхи ангуушамнай түргэн эндэһээ гаража арилха гэжэ нүхэ солоохой бэдэрээд харайба. Тиигэжэ ябаһаар нэгэ ябаган харгыда орошобо. Өөдөө гараха харгы олооб гэжэ һанаад, духаяа хаха баярлажа тэрэ харгыгаараа түргэ түргэн гэшхэлээд саашаа ошобо. Яба ябаһаар дээшээ гараагүй, харин доошоо орошоод байба. Тэрэмнай доодо замбида орошоһон

байба бшуу. «Энэ баһа ямар һонин газарта орошообиб даа», – гэжэ хайшаа яашаа эрьелдэжэ байгаа. Манай замбиин хүнүүдтэ орходоо доодо замбиин хүнүүд набтарханууд, барандаа хабтагарнууд. Адууһа малыньшье, үнээд хонидынь зааханууд. Ошоод тэрэ малынь нюрга эльбээдхихэдэнь, тэдэнь унаад пэ үхэлдэн хэбтээ юм гэнэ.

Зониинь мүнөөхи ангууша хүмнай дээдэ замбиин шүдхэр ерээ гэлдээ. Хоорондоо хөөрэлдэхэдэнь, дээдэ замбиин хүн юушье ойлгоногүй, гансал энэ тэрэ юумэ ойндоо хабшуулна. Эндэ байжа бүтэхээс болёо гэжэ мүнөөхимнай дээшээ гараха харгыгаа бэдэрбэ. Бэшэшье харгы үгы, доошоо бууһан харгыгаараа баһа дээшээ гараа. Гаран гэхэдээ, тэрэ шара могойngoо хүмэ соо гараад байгаа аалам. Мүнөөхи шара эрээн могойнь гулдира гулдирһаар хажуудань хүрэжэ ерэбэ. Хажуудань ерээд, урдаһаань хаража байгаад далаяа тоншоно. Харахада ухаангүй хүрөөтэй: толгойнь мандагар, аманиинь мандагар, хүндли гартай. Гараараа далаяа тоншоходонь, энэшни һуу гэнэ хаяа гэжэ мүнөөхи хүмнай дала дээрэнь гараад һуугаадхиба. һуумсаарнь, шара эрээн могой шанха дээшэ тэрэ нүхөөрөө гараадхиба.

Гараад, мүнөөхи ангуушанаа буугайнь хажууда абаашажа буулгаба. Буугаа тэрэшни модондо үлгөөд орхихон байгаа, тэрэнь хуу жэбэрэнхэй байшоо.

Шара эрээн могойнь тэрэ хүндөө таамалжа байгаад хэлэнэ: «Ши энэ буугаа яб байса арша, һомоло». Тэрэнь буугаа модонһоо мулталжа абаад, ялайтар аршаа, һомолоо. Тиихэлээрнь могойнь баһа далаяа тоншоно, һууха гэжэ энэмни хэлэжэ байна гэжэ ангуушан мэдээд, дээрэнь гаража, асалжа һуугаадхиба.

Һуухалаарнь, мүнөөхи могойнь ниидээд ябашаба. Ниидэ ниидэхээр Хабсали хада дээрэ ерэжэ бууба. Хабсали хада дээрэ ангуушанаа буулгаад, хэлэнэ: «Энэ Хабсали хара могойн хүмэдэ хүрэжэ ерээбди. Ехэ алтатай байха энэ хара могой. Энээниие алажа, алтыень абаха арга бэдэржэ байнам. Ши мүнөө энэ хүмэ соо ороодхи. Ороходошни, могойнууд хуу шоншоролдохо. Тиихэлээрнь мүнөөхи Хабсали хара могой гараад ерэхэ. Тэрэ могойе магнайнь тэг дундуур барижа оноод буудаарай», – гэбэ.

Абаруулхашье, ахилшье хүүлэхэ харгы нэгэн болобо гэжэ ойндоо һанаад, мүнөөхи ангуушамнай Хабсали хара могойн хүмэ руу оробо. Хойноһоонь шара эрээн могой оробо. Орохолоорнь, могойнууд хаана яанаһаа шоншоролдоод гараад ерэбэ. Эгээн һүүлдэ Хабсали хара могой харагдаба. Тэрэ могойн магнайнь тэг дундуур баряад ангуушан буудажархиба. Хара могой һас гээд унаадхиба. Унахалаарнь, дээрэһээн үшөө буудаа. Уняар туняар болоходо, нүгөө могойнуудынь хуу хаана яана ороод хоргодоодхибо.

Тэрэ һамбаанда мүнөөхи шара могой Хабсали хара могойн ханшаарынь хаха эсхээд, сээжэ сооһоонь монсогор алта абаад залгижархиба. Ангуушанаа

нюрбан дээрээ буулгаад, нүхэн сооноо дээшээ гараба. Гараад, тээ бага нийдээд Улаандаа¹ хүрээжэ ерээ. Улаан дээрээ мүнөөхи хүгээ буулгаад, өөрөө нүхэ руугаа орошобо.

Могойнууд өөрын ноётой, хаатай байгаа юм. Тэрэ ангууша хүн Хабсали могойнуудай ноёиень хороогоо бшуу. Могойнууд хаангүй болоод дэмырэлдээд харайлдаа. Тиигээд Хабсали могойнуудай дэмырхэдэ, Хабсали хадада могойн ноёд албатанай суглаан болоо гэнэ. Тэрэ суглаанда Улаанай могойнуудай ноёиё, Шара эрезн могойе, дуудуулжа абаашаа. Дуудажа абаашаад, тэрэ суглаан дээрэ нураа гэхэ:

– Ши юундэ Хабсали хара могойе алаад, албата зониень намаргаа бутаргаабши?

Тиихэдэнь шара эрезн могой хэлээ:

– Хабсали хара могой намда үритэй байһан юм, тэрэ үриинь түлөө алтыень абааб. Хабсали хара могойе хорооходоо би хороогоо бэшэ, харин Улаанай нэгэ хүн хороогоо.

Алаһан ангуушан дээрэ мүнөө зэмэ тогтоод, тэрэшни хэсүү байдалда оронхой. Тэрэ хүнэй аха дүү болохо зон бултадаа үхэжэ хосорно.

Могойнуудые толгойлжо ябаһан могойень алаһан хүн ехэ муу байдаг.

¹ Улаан – хадгын нэрэ

СЛОВАРЬ БУРЯТСКИХ СЛОВ

Айл – селение	Нойон – ханский советник, знатный человек
Айрак – молочный напиток	Саламат – сытное блюдо из сметаны
Аршан – источник, ключ	Тэрлик – летний халат
Алтан – золотой	Улус – селение
Батор – богатырь, герой	Улигер – сказка
Бурхан – бог, божество	Улигершин – сказитель
Дацан – буддийский храм, монастырь	Хайша – ножницы
Замби – мир, вселенная	Хур – струнный смычковый музыкальный инструмент
Лама – буддийский священник	Юрта – жилище кочевников
Мэргэн – меткий	

СОДЕРЖАНИЕ

ХИТРЫЙ БУДАМШУ	3
АЛТАН-ХАЙША. ЗОЛОТЫЕ НОЖНИЦЫ	8
ХУРИСТ	17
КТО ТЫ?	21
МЭРГЭН ЗОРИКТО	28
СЫН БЕДНЯКА И ЖЕСТОКИЙ ХАН	39
У СТАРОСТИ – МУДРОСТЬ	44
ЖЕЛТО-ПЕСТРАЯ ЗМЕЯ И ОХОТНИК	49
ШАРА ЭРЕЭН МОГОЙ АНГУУШАН ХОЁР (обработка З. Арданова)	52

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Л. Е. Элиасов. Бурятские народные сказки, Улан-Удэ, Бурятское книжное издательство, 1973.
2. Бурятские народные сказки, Улан-Удэ, Бурятское книжное издательство, 1973.
3. Бурятские сказки / сост. Л.Е. Элиасов, Улан-Удэ, Бурятское книжное издательство, 1959.
4. Бурятские народные сказки / сост. Б.С. Дугаров, Москва, Современник, 1990.

ЗОЛОТОЙ СУНДУЧОК

Алман абгар

Бурятские народные сказки

Для детей младшего и среднего возраста

Возрастная категория 8 +

Составители

А. Ангурова

О. Дамдинжапова

Редактор О. Дамдинжапова

Художник С. Дугарова

Дизайн, верстка А. Курбатов

Корректор О. Дмитриева

З. Арданова

Издательство «НоваПринт»

Республика Бурятия

г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 1-4

Тел.: 8 (3012) 211155, 212220

Отпечатано ООО «НоваПринт»

Подписано в печать 30.01.2019. Формат 60x90/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 7,0. Заказ 135. Тираж 1000 экз.

По вопросам приобретения обращаться в издательство «НоваПринт».

